

qfl

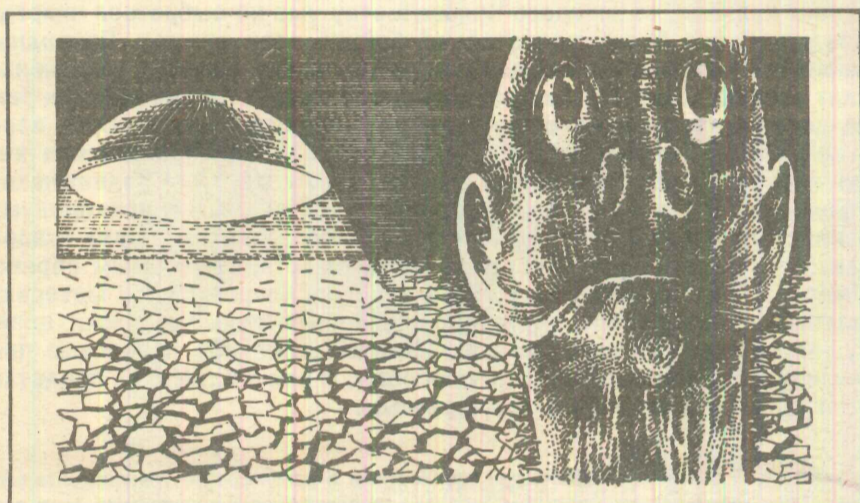
ГОЛОС ВСЕЛЕННОЙ

1'91

Информационно-публицистическая и литературно-художественная независимая газета

Печатный орган внеправительственных трансцендентальных сфер

ЦЕНА 1 РУБ.

ПРОРИЦАНИЕ

стр. 2

Разыскивается

ПРИШЕЛЕЦ

стр. 3

награда 10000 руб.

Всемирный суперконкурс

МЕТАГАЛАКТИКА

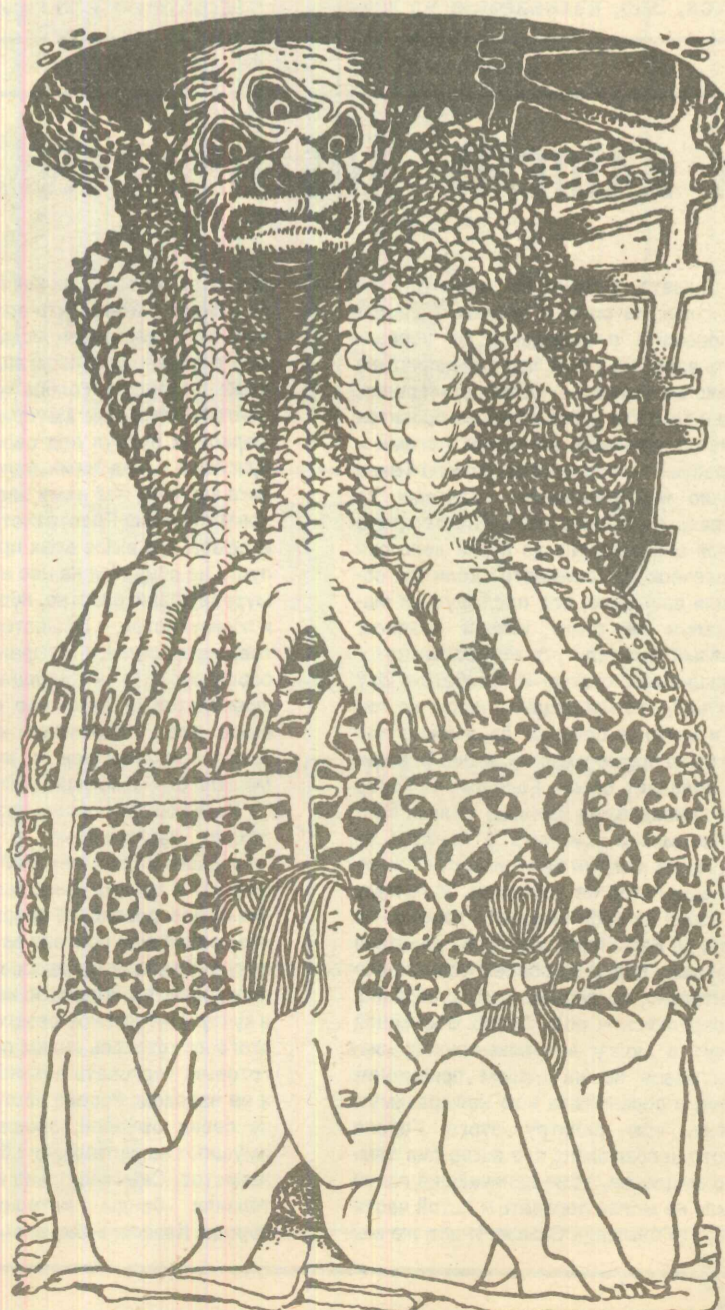
стр. 13-16

qfl ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

ТРИУМФ

Всенародной подписки
на серийную библиотеку
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ФАНТАСТИКА»
ЮРИЯ ПЕТУХОВА

ЗВЕЗДНАЯ МЕСТЬ

(ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА-ЭПОПЕИ) стр. 7-12

ПРОРИЦАНИЕ

Близится к завершению II-е тысячелетие с Рождества Христова и XII-е тысячелетие Третичной Земной цивилизации. Десять лет отделяют Землю от момента вхождения в узловую ярус пространственно-временной пульсационной цепи, Связующей Цепи Мироздания. Лишь раз в тысячелетие земные часы, определяющие ход событий в ноосфере, попадают в сверхпространственный резонанс с Часами Вселенной, а сама Земля перекачивается из одного паза Вселенского Гиперколеса в другой. Момент перехода таит в себе неведомое. Много раз Земля находилась на краю. Дважды погибли Земные цивилизации — Первичная и Вторичная — Пространство глухо к мольбам несчастных, Пространство не умеет прощать. Оно никогда не дает объяснений — почему гибнут те или иные сообщества, миры, Пространство не замечает гибели нарушивших его законы, ибо Оно бесконечно и равнодушно. Высшие Силы, создавшие Пространство, не могут замедлить или остановить движение Гиперколеса — это будет равносильно уничтожению самого Пространства. И потому Они не вмешиваются в ход событий, надежда на Них тщетна. Можно взывать к Ним, молить Их, каяться, клясться, оправдываться — все будет бесполезно. Высшие Силы не признают слов и оправданий, ибо, как установлено ими, судиться все будут по делам своим. Дела же земные плачевны. В момент скатывания Земли в предыдущий внеузловой микроярус столетней цикличности произошло непредвиденное и роковое событие — были повреждены защитные, установленные Высшими Силами инфернобарьеры и психополя, в результате чего над территорией России в предохраняющем дыра образовалась дыра, связующая земной мир с Миром Потусторонним. В Сверхпространственный туннель, пробитый Силами Зла, хлынула материя инферно. Прокол был микроскопическим, практически несуществующим для Пространства. Но его хватило, чтобы разрушить треть земного мира и уничтожить сотни миллионов людей: в промежутках между микроярусом и приближающимся узловым ярусом Связующей Цепи на территории пострадавших районов не было жителей, умерших своей смертью, во всех случаях живую плоть убивала инферноматерия. И все же плацдарм Сил Зла в результате межчеловеческой бойни был уничтожен — минус на минус дали плюс. Восстановилась земная поляризация — залог существования любого мира и сообщества. Угроза гибели Третичной цивилизации отступила. Но это оказалось временным явлением, так как основная причина истекания на Землю Зла не была устранена. Шаманы-ученые и полуграмотные астрологи-самоучки, меряющие ход событий движениями призрачных планет, вселяли и продолжают вселять надежды Человечеству, которое уже занесло ногу над Пропастью. Из Пропasti Инферно возврата нет, осталось лишь единое легкое, почти неуловимое движение. Пространство отпустило для этого движения бесконечно малый и неизмеримо огромный срок — десятилетие. Сверхпространственный туннель не закрыт, дыра расширяется, Зло, изливаемое на огромную территорию необоримо, ибо ин-

ферноматерия проникает в тела и души, ведет к саморазрушению и братоубийственным войнам. Силы Зла нематериальны, они действуют руками тех, в кого они вселяются, и любой, не отринувший их, становится одержимым ими. Страсть к саморазрушению, самоистреблению под громогласные лозунги становится патологической, смертельной. Стоящие в стороне торжествуют — их потенциальный соперник уничтожает сам себя, как не радоваться! Но радость преждевременная, ибо уничтожение одной части целого неостановимо влечет за собой гибель всего целого — Земной цивилизации. Не тронутый пока Силами Зла мир ликует, созерцая, как разваливается, гибнет, проваливается в адскую воронку некогда Великая и Могущественная Держава Российская. Но адские вихри захватывают уже и этот созерцающий и радующийся мир — у него нет иной дороги, своей: обрубить Россию, отрезать от себя, значит, самому истечь кровью и умереть, не обрубить — лететь следом в Черную Дыру инферно. Удержаться! Только удержаться гибнущий край, захваченный Силами Зла, удержаться и дать силы для исцеления... Но глух мир, глуха погибающая Третичная Земная цивилизация. Добывая обескровленную умирающую Россию, цивилизация добывает себя. Жуткая воронка Сверхпространственного туннеля расширяется, Ужас и Мрак затопляют Землю — и не видит этого только слепец! Грядущий через десять лет момент вхождения в узловую ярус усилит резонансные колебания, переходной толчок ослабит и без того слабые инфернобарьеры и психополя, Сверхпространственный туннель расширится и наступит коллапс, из которого Человечеству уже не выбраться никогда! Последняя бойня будет жесточайшей бойней всех времен. Природные катаклизмы — землетрясения, наводнения, моры усугубят положение, усилят агонию самоуничтожающейся цивилизации. Деполяризация земного сообщества отрицанием Основного Закона Пространства перечеркнет все сущее на Земле. Шансов на спасение практически нет, саморазрушение зашло слишком далеко. Несколько тысяч подвижников, пытающихся заткнуть адскую воронку собственными психополями, противостоят Вселенскому Злу, их силы не безграничны, народ отворачивается от своей страны, обрекая ее на смерть, тем самым обрекая на смерть и себя. Черная страшная язва расплзается по материку. В узловых ярусах пространственно-временных пульсационных цепей будущее непредсказуемо даже для Высших Сил, ибо полностью программируемые системы нежизнеспособны. И все же... Исход представляется крайне неблагоприятным, мрачным.

*Примечание. В связи с невероятными трудностями в расшифровке трансцендентальных голосов Прорицание дается в вольном переводе человека-биооприемника, экстрасенсора четвертой ступени земного предела. В последующем тексты будут обрабатываться на психонейроанализаторах, что исключает неточности в переводе и осмыслении. Принимим наши извинения за возможные искажения, подобная работа проводится впервые в мире.

К НАШЕМУ ДОБРОМУ ЧИТАТЕЛЮ!

Газета, которую Вы держите в руках, не совсем обычна. Почему? Не спешите с выводами! Ее необычность вовсе не в том, что она рассчитана только на умного и честного человека. И не в том, что дурак и подлец бросится на нее с кулаками, затопчет ногами и потребует немедленно запретить! Такое бывало и с обычными газетами да журналами. А наша необычна тем, что не вся она от корки до корки дело рук человеческих. Понимаете? Если Вы обратили внимание, под предыдущим материалом не стоит ничьей подписи. Бывалый читатель тут же воскликнет — редакционная статья! И ошибется! Эту «статью», это Прорицание никто не писал и никто не сочинял. Да, именно так. Оно было продиктовано Свыше. Вселенная обладает своим Голосом. И Голос этот принадлежит Высшим Силам. Вселенная может говорить с каждым из нас. Но не каждый Ее услышит. Не каждый еще готов Ее услышать. И потому мы взяли на себя смелость донести Ее Голос до Вас. Пусть это будет делаться на первых порах не совсем точно и выразительно, не совсем ярко и образно, не сердитесь — ведь Голос Вселенной звучит в мозгу человека-психоприемника вовсе не на нашем привычном языке, и переложить всю невыразимую гамму, всю палитру этого Голоса просто невозможно, это выше сил земного существа, даже величайшие гении Земли не могли передать и сотой части того, что слышали Свыше. И все же мы

будем это делать, так как твердо и непоколебимо считаем, что вопреки мнению власти предрекающей люди, и тем более соотечественники наши вполне созрели, чтобы услышать голоса иных трансцендентальных сфер. Материалистический марксизм рухнул под своей свинцовой тупостью — над нами больше нет жуткого колпака, над нами звенят и гремят хоры и музыка Пространственных сфер. И сферы эти выше всех правительств — пусть не обидится на нас наше родное и мудрое правительство, ибо сферы выше и коммунистов, и фашистов, и демократов, и ренегатов, и плюралистов, и консерваторов, и интернационалистов и шовинистов, и даже нас самих — они выше всех, обижаться на них грех! А вот прислушаться к их голосу не мешало бы — имеющий уши да услышит!

Редакция не совсем разделяет положения, заключенные в Прорицании (экстрасенсо-приемник мог где-то ослышаться, в чем-то ошибиться), и в отличие от прогрессистов-прорабов считает, что Россия еще постоит за себя, что Великую Державу за здорово живешь не поставишь на колени и не превратишь в кучку бантустанов-резерваций, как бы этого ни хотелось лихим посредникам, готовым торговать землей российской и ее народом. Россия постоит за себя и за своих сыновей, брошенных власть имущими на растерзание бандам националистов. Семьдесят лет назад Россию терзали банды интернационального сброда. Казалось бы, все наоборот? Ан

нет, суть одна — геноцид, уничтожение неугодного кому-то народа. И тут мы согласны с Голосом, под собою сук рубят, в ту же воронку адову полетят лихие и расторопные палачи, куда и их предтечи полетели: ветер в спину! А Россия удержится на краю, отдышится, встанет да засыплет поганую ямичку, чтоб не несло оттуда мертвечиной.

И все-таки прислушаемся к Голосу! Страшные вещи он вещает. Но ведь и мы с Вами в страшном мире живем. Прислушаемся и разберемся. Нам надо понять этот Неземной Голос. Уже одно то, что Он пытается говорить с нами, обнадеживает — не так уж и глухо Пространство, не так уж и равнодушно! Большой части слов и терминов, эпитетов и определений, несомых Голосом, нет ни аналогов, ни переводов в земных языках. Именно по этой причине редакция ставит себе одной из важнейших целей в самое ближайшее время, до того как разразится страшная катастрофа, установить контакты с представителями тех четырех внеземных цивилизаций, которые по имеющимся данным присутствуют на Земле — у нас не осталось времени, для того чтобы чураться друг друга, обходить стороной и ждать, пока другой поклонится. Надо действовать! Язык гуманоидов Вселенной поможет нам расшифровать Голос, понять Его! Ведь для чего-то же создана наша газета Неземными Трансцендентальными Силами именно сейчас, когда Земля у края Пропasti! Не прастая же это слу-

чайность! Мы должны совместно предотвратить надвигающуюся Катастрофу. Вместе с тем редакция заявляет, что она решительно отвергает все попытки вхождения в контакт с инфермальными созданиями и резидентами негуманоидных цивилизаций — компромисс невозможен! В чем мы безраздельно согласны с Голосом, так это в том, что нематериальные Злые Силы, прорвавшиеся через Сверхпространственный туннель в наш мир, вселились в тела и души многих вполне благообразных на вид и внешне прогрессистски настроенных деятелей, бичующих все вокруг, поливающих грязью, грозящих кулаками народу, среди которого они вынуждены пока жить. Тут ничего не попишешь — когда разрушителей и ниспровергателей становится больше созидателей, когда никто не противостоит им, а наоборот все загипнотизированы ими, разруха и гибель неминуемы. Это такой же верный закон, как и Основной Закон Пространства. Мы просим Вас, дорогой читатель, не поддаваться раньше времени панике. Космические Прямые Каналы еще не перекрыты, и мы надеемся услышать из Пространства что-то доброе, обнадеживающее. Мы должны жить Надеждой и Верой в Добро!

10 000 рублей

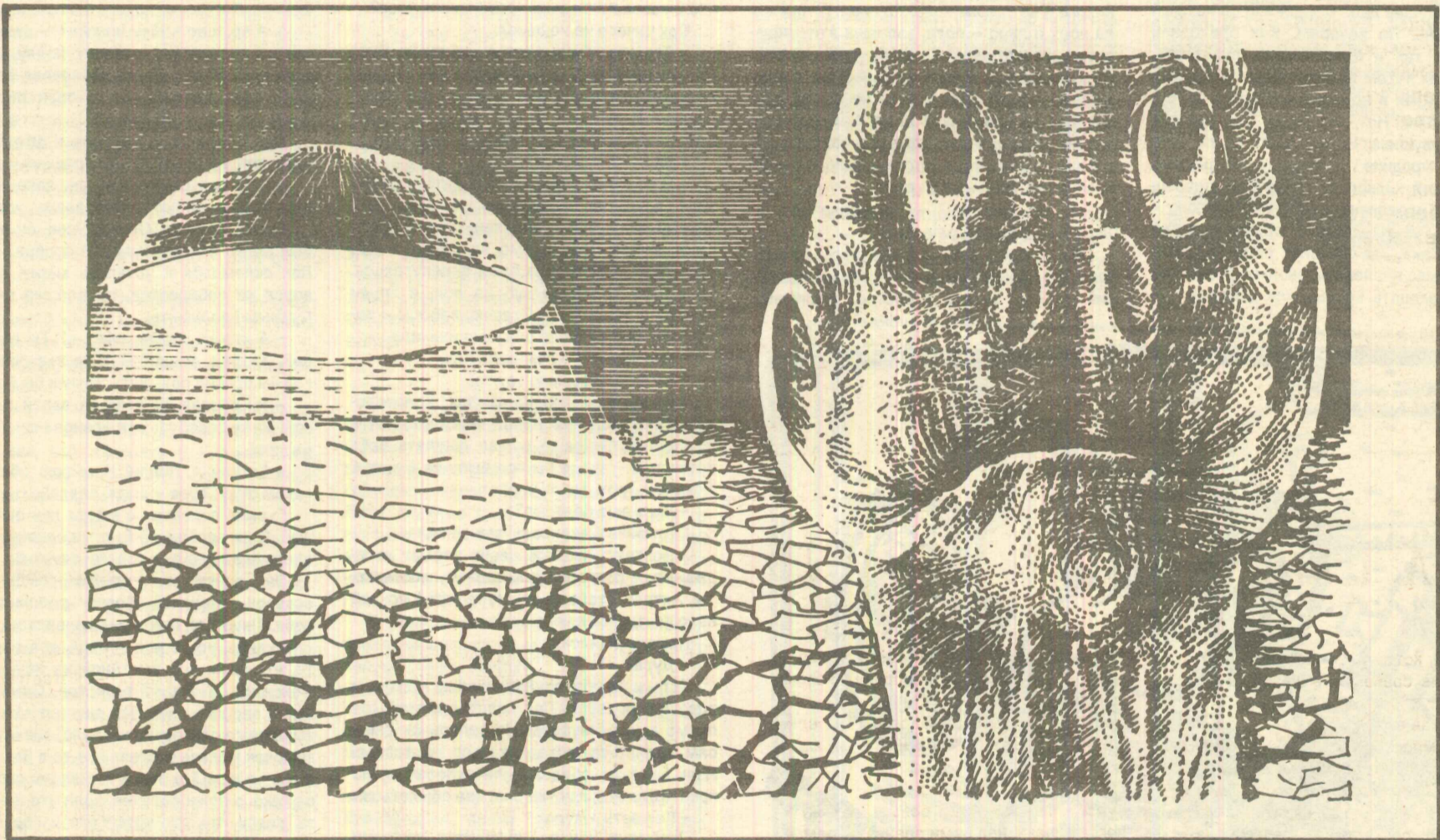
Всем россиянам и жителям Земного шара!
Пора уже разобраться с этими инопланетянами!

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ! ЦРУ И КГБ, ФБР И МВД, ИНТЕРПОЛ И СЕКУРИТИЗ, ТАЙНЫЕ СЛУЖБЫ МАСОНОВ И СЕКРЕТНЫЕ ОТДЕЛЫ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ФРОНТА „ПАМЯТЬ”, НЕ ГОВОРЯ О ПРОЧИХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ И НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ И УЧРЕЖДЕНИЯХ МИРА, ВЫЯВИЛИ ПОЛНЕЙШУЮ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ* В ДЕЛЕ ВЫХОДА НА СЛЕД И ПОИМКИ ИНОПЛАНЕТНЫХ РЕЗИДЕНТОВ, ВНЕДРЯЮЩИХСЯ В ЗЕМНУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ. ПОЗОР! И ЭТО ПОСЛЕ ТОГО, КАК УЖЕ ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ В ТОМ ИЛИ ИНОМ СОСТОЯНИИ ПОБЫВАЛИ НА „ТАРЕЛКАХ” ГУМАНОИДОВ, БЕСЕДОВАЛИ С ПРИШЕЛЬЦАМИ!

(* По другим данным, не подлежащим проверке, правительственными службами установлены контакты с инопланетянами и за спиной народов подписаны тайные договора. Редакция не уверена в основательности этих данных. Вместе с тем никаких опровержений также нет.)

РЕДАКЦИЯ „ГОЛОСА ВСЕЛЕННОЙ” СОВМЕСТНО С НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ТРАНСЦЕДЕНТАЛЬНОЙ ВНЕПРОСТРАНСТВЕННОЙ КОМИССИЕЙ ПО КОНТАКТАМ (О КОМИССИИ ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ) ОБЪЯВЛЯЮТ ВСЕПЛАНЕТНЫЙ РОЗЫСК ИНОПЛАНЕТЯН.

РАЗЫСКИВАЕТСЯ!

WANTED!

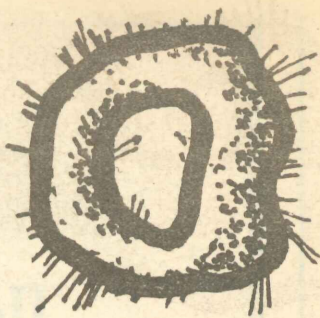
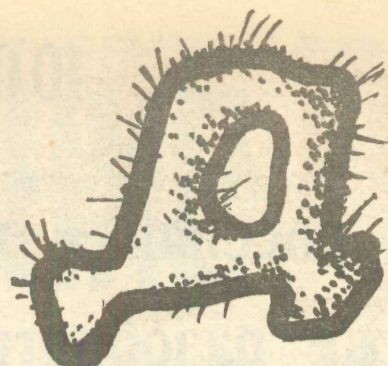
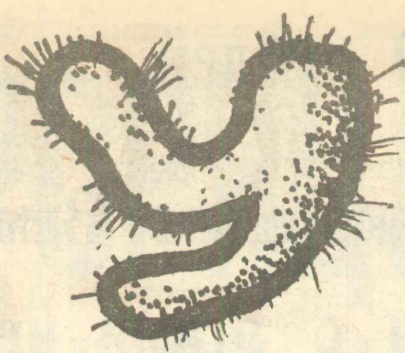
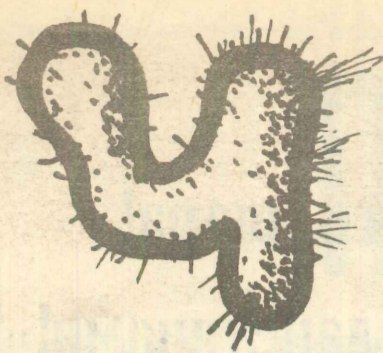
10 000 РУБЛЕЙ ТОМУ, КТО РАЗЫЩЕТ И ДОСТАВИТ В РЕДАКЦИЮ ИЛИ ИНОЕ УКАЗАННОЕ МЕСТО ЖИВОГО ПРИШЕЛЬЦА. ВНИМАНИЕ! НАСИЛИЕ НАД РЕЗИДЕНТАМИ ЧУЖДЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НЕДОПУСТИМО! СРЕДИ ПРИШЕЛЬЦЕВ МОГУТ ОКАЗАТЬСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛИ НЕГУМАНОИДНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ВЫХОДЦЫ ИЗ ПОТУСТОРОННИХ МИРОВ – ЛЮБОЙ КОНТАКТ С ТАКОВЫМИ ЧРЕВАТ ТЯЖЕЛЕЙШИМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ. ПРЕДЕЛЬНАЯ ОСТОРОЖНОСТЬ! РОЗЫСК И ПОИМКА ОБЪЯВЛЯЮТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО С ГУМАНИТАРНЫМИ ЦЕЛЯМИ.

Примечание. Редакция считает своим долгом и обязанностью предупредить всех посланцев иных миров и их миссии на Земле, что она питает к ним самые дружественные чувства и не намерена ни в чем повредить им своими публикациями. За все возможные эксцессы заранее приносятся извинения.

10 000 рублей за поимку!

10 000 рублей

Действие фантастико-приключенческого романа «Чудовище» разворачивается в XXII веке. Территорию нашей страны населяют жуткие мутанты, выродки. Резервация Подкуполье — мир обреченных, но и в нем кипят свои страсти...

Последнего любовника Эда Огрызина задушила ночью, в собственной постели, прямо посреди старого пыльного и дырявого, огромного матраса, доставшегося ей от бабки, сошедшей с ума.

И не то чтобы она на него держала зло. Нет, просто надоел до предела, опротивел. Это он-то и прозвал ее Огрызиной. А какая она Огрызина?! Никакая вовсе не Огрызина, а милая женщина средних лет, хорошенькая и пухленькая, таких баб мужики любят.

Предыдущие двое мордовали ее каждый божий день. По вечерам. Как приходили со смены, так и принимались лупцевать. Но зато как потом любили! Вдвоем! До слезоты в глазах и поросычьего визга, до судорог и колик! Нет, тех двоих Эда никогда бы не придушила. Но они ушли сами: один к этой уродине Мочалкиной-средней, расплывшей мокрице, а другой вообще сгинул, из поселка пропал. Иди — свищи!

Когда Гурыня-младший приволок к ней Хитрого Пака, Эда готовила тюрю для детишек. Ей было наплевать, сколько ртов в хибаре — двадцать восемь или двадцать де-

вать. Хотя нет, она припомнила, что троих недавно отволокла к отстойнику, отмучились трое. Стало быть, меньше дармоедов!

— Пускай отлежится! — сказал Гурыня и для подкрепления своих слов треснул Огрызину по лбу, так, что она плюхнулась на задницу. — Тут его хрен найдут. Но гляди, продашь, падла, я те все восемь зенок по очереди выдавлю, вот этими! — Гурыня растопырил на обрубке свои черные крючковые костяшки.

— А мне что! — ответила Огрызина. — Мне все до фига!

— Соображаешь.

Гурыня убежал.

Даже среди обитателей поселка Эда Огрызина выделялась своими необычными способностями. Она рожала по шесть раз в году и всегда тройнями. Большинство ее детенышей погибало. Кое-кто уползал в развалины. Она никого не прогоняла, но никого и не удерживала. Да она и не помнила всех в лицо — поди, запомни этих паразитов проклятущих! Каждый — ни в папаш, ни в мамашу, а в черта с дьяволом и всех их соратничков. Эда ничего не знала, да и никогда не слышала даже о мутациях и прочих ученых вещах. Для нее что было, то и было, то, значит, и должно было быть. Ей и, вправду, все было до фига.

— А ты дышишь? — спросила она у Пака. — Или околел случаем?

Пак дышал. Ему становилось лучше. Прав был Гурыня, предатель подлый, наведший на его ватагу туристов, решивших

малость поохотиться в экзотических условиях. Прав!

Огрызина оглядела Пака и, решив, что не такой уж он и маленький, положила с собой рядышком, прямо на старый бабкин матрас. Только толку из этого не вышло, силенок у раненого явно пока не доставало.

К обеду Огрызина сбегала на площадь, посудачила с хозяйками. На площади сегодня было совсем пустынно. Но кое-что удалось вывести.

— Слушай, ты, Хитрец, — скороговоркой пробубнила она в самое ухо лежащему, склонившись над ним, нависая шарообразным оплывшим телом и беспрестанно мигая всеми своими колючими поросычьими глазками. — Слушай, чего говорят-то! Твоего папаньку, работника Пуго сегодня туристам на расправу отдадут, усек?! Говорят, вчерась ихних прищепали, тех самых, что в развалинах выродков ловили, усек?

Пак ничего не понимал.

— Так это, оказывается, папанька Пуго их придавил там, во дела какие! Не, ты тока подумай, Хитрюга, это ж надо, а?! Такой скромный на вид, такой честный, такой работающий — передовик! И чего отмочил!

— Вранье! — отрезал Пак.

— Я те точно говорю! Зуб даю! — Огрызина лягнула челюстями, и один зуб, черный изогнутый, с зелеными прожилками, выпал Паку прямо на грудь. — Ой, чего это?! — Огрызина сама перепугалась. Но потом смахнула зуб на пол, в грудку мусора у матраса. — Старею, небось! — кокетливо проговорила она и захихикала.

— Все вранье! — повторил Пак.

— Ну и не верь, мне то что!

Пак приподнялся на локтях и прислонился к стене. Силы прибывали, тело почти не болело. Он даже сумел ощупать себя клешнями — вроде бы все было на местах. Хотелось пить. Но он терпел.

— Чего еще болтают?

Огрызина оживилась, захихикала.

— Болтают, что все равно побьют народца, всех под корешок срежут, вот чего. Ты, Хитрец, этого не поймешь, тут в погреб надо лезть, вот я чего скажу.

Пак сморщился.

— Дура!

Огрызина повернулась к нему и выдала хорошую оплеуху. Пак полетел с матраса прямо в кучу мусора. Но теперь он смог сам подняться, вскарабкаться на тряпье. И он даже не обиделся на туповатую, но простодушную Эду, чего на нее обижаться!

— Как есть — дура!

Огрызина вышла, покачивая крутыми мясистыми боками, волоча за собой жирный тюлений хвост, который помелом гнал по углам пыль, но пола не расчищал. Огрызина в подпитии говаривала, что хвост ей достался по прямой линии, от дедушки. Но никто не видел того живьем, даже старожилы поселка. Да и какая разница, тоже — фамильное наследство! Дед сошел с ума прежде бабки. И Эда якобы самолично отволокла его, еще полуживого, к отстойнику, будучи совсем девчонкой. Но это были явные враки, потому что никто ее девчонкой не помнил, она всегда была матерой и ядреной бабищей.

Только она исчезла, как появился загнанный и мокрый от пота Гурыня. Он без разговоров подбежал к матрасу, выдернул из-за спины что-то длинное и поблескивающее и пребольно стукнул этой штуковинкой прямо по лбу Паку.

— Гляди чего у меня!

Пак ткнул клешней в брюхо Гурыне. Тот отшатнулся.

— Ого! Оживаешь, падла! Может, тебя кокнуть, пока совсем не ожил, а?

Гурыня навел на Пака железку с маленьким раструбом на конце, но на спусковой крюк не нажал. Лишь затарахтел —

громко и неумело, подражая ночным выстрелам.

— Чего там про папаньку болтают?

Гурыня вытянул шею.

— А их поймешь, что ли?! Охренели вообще, падла, то ли награждать собираются, то ли повесить — не разберешь! Таскают по поселку, каждый по глоточку ему из запасов дает... Но разве ж эту бочку, падла, напоишь! Да он всю трубу высосет и не охренеет!

Паку было наплевать на папаньку. Но раз за него взялись, могут и до самого Хитреца Пака добраться. И доберутся ведь! Тогда все, тогда кранты. И не оживешь больше!

— А ты его это... кокну из железки. Слабо?! — Пак смотрел прямо в глаза Гурыне. — Помнишь, как он тебе в зубы дал.

Гурыня поковырял указательной костяшкой во рту, пробубнил нечто неопределенное. Потом глазки его загорелись.

— А че, щас пойду и кокну! — сказал он, зверея на глазах. — Кокну падлу, сучару воночую! Я его давно собирался кокнуть! Тебя тока боялся, все ж таки папанька! Кокну, гадам буду, кокну!!!

Пак привстал с матраса и дал Гурыне увесистую затрещину. Тот опешил.

— Еще раз ссучишься, дешевка, я тебе шею твою змеиной узлом завяжу, усек?!

Гурыня кивнул. Он все усек, он вообще был очень понятливым. Он сообразил, что Пак оклемался и уступать места вожака вовсе не собирается. Но все же он счел нужным напомнить:

— А кто ты, падла, спас, а? Ты не забывай, Хитрец, ладно? Я ж ты выручил, другой бы бросил подыхать, точняк бы бросил. — Ты сбегал бы пока за своей железкой! Да не забудь эти хреновинки, ладно? Без них...

— Да понял, падла! Я мигом обернусь, гадам буду! Туда — сюда, падла!

Гурыня сорвался с места как ошпаренный. Он и вообще-то был заводной, а в последние двое суток совсем очумел.

Пак достал из кармана комбинезона осколок зеркала. Долго рассматривал себя. Лицо его при этом кривилось, глаза слезились, но не все — лишь два верхних, те, что были под вмятиной на лбу, оставшейся на память от туристов. Сама дыра почти заросла уже. Пак ощупал затылок — выходного отверстия не было, значит, этот комочек железа застрял где-то в башке. Ну и черт с ним! Не очень-то Пак расстроился от такого приобретения. Если что и задело за живое, так это краса его и гордость — широкий морщинистый хоботок, свисавший чуть ниже подбородка и невероятно изуродованный теперь багровым водянистым рубцом. Вот сволочи! Он был готов тут же сразиться с десятком этих наглых охотничков. Он бы их собственными клешнями на клочки бы порвал, в капусту искрошил!

Но долго предаваться отчаянию не стоило. Пак спрятал осколок обратно. Присел, встал, потом еще раз, еще... помахал руками, согнулся. Поднатужившись перевернул тяжеленный сырой матрас. Хоть и не жрал ничего весь день, изранен, избит, искалечен, а все ж таки молодой организм брал свое, восстанавливал силы. А силенка ныне ох как нужна была Паку!

— Поглядим еще! — процедил он в третий раз, совсем зловеще.

Вышел из комнатки. Осторожно, стараясь не шуметь. Заглянул в хлев. Там, за прогнившей и почерневшей от старости бревенчатой перегородкой в метр высотой копошились Эдины детеныши. Они были омерзительны.

Пак собрал в пересохшем рту остатки слюны и плюнул за перегородку. Один из Эдиных сопляков на лету поймал плевков длинным жабым языком и тут же заква-

В И Ш А Е

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

тал, заерзал. Остальные, сгрудившись вокруг счастливого, плаксиво подвывали. Все как один дрожали в каком-то непонятном ознобе.

Среди выродков были и довольно-таки здоровые особи. Парочка крайних, тех, что лежали у самого заборчика, были вдвое больше Пака, во всяком случае вдвое жирнее и толще.

Вот гаденыши! Паку смотреть на них не хотелось. Но он понимал, что когда прижмет, придется лезть в этот гадюшник и самому притворяться выродком. И еще неизвестно, как дело обернется, может, туристы всех недоносков и переносков разом-то и ухайдакают?! А чего им стоит? Нет, нигде не было спасения!

— Ладно сочтемся, — сказал Пак как-то двусмысленно.

Но у Гурыни полегало на душе.

— Надо когти рвать, — прошипел он на ухо вожаку, — тута все равно захомутают, падлы! Долго на дне не пролежишь. А они и с дна достанут.

В комнату вполз один из детенышей Эды Огрызины. Должно быть, выбрался как-то из хлева, осмелел с голодухи. Детеныш был противный, гадкий: весь зелененький, сыренький, пухленький, на шести тонюсеньких ножках. Головы у него не было — прямо из жирного брюшка смотрели мутненькие глазки, один зеленый, другой красный. Детеныш причмокивал, верещал — есть просил.

Вот ведь гады нарождаются, подумалось Паку. И что за молодежь пошла такая! Кто работать станет через десять лет?!

— А ну-ка, испробуй на гниде! — сказал он Гурыне.

Тот вострепнулся, обрадовался. Повернул ствол к детенышу. И уже тогда Пак сообразил, что железка у Гурыни была заряжена. Он, хитрый Пак, самый умный в округе малый, с огнем играл!

— Получай, падла!

Раздался хлопок. Совсем тихий, не похожий на ночные. И детеныша разнесло в клочья. Стены, пол, потолок хибары, а заодно и Пака с Гурыней забрызгало желтой вонючей дрянью. Похоже, кроме нее ничего во внутренностях детеныша Эды Огрызины и не было.

Огрызина не заметила утраты одного из своих отпрысков. Да если бы и заметила, что ей! Ей все — до фиги! На день она повторяла любимое присловье раз по сто, наверное, чтоб ни у кого сомнений по этой части не возникало. Но никто и не сомневался. Тем более, хитрый Пак с Гурыней.

— Вы чего, тута, что ль, жить-то будете? — спросила их Эда, одновременно обмакивая пальцы в желтую слизь на стене и поднося их к носу.

— Поглядим еще, — повторил Пак на иной лад.

Эда попробовала слизь на вкус.

— Тыфу! Дрянь-то какая! Вы, что ль, нагадили?!

— Заткнись! — ответил Гурыня.

Эда погрозила ему кулаком, но не расстроилась.

— Ладно, вы как хотите, а я в подпол полезла!

И ушла.

Пак нацелился ей в спину железкой, сказал вяло:

— Не промахнешься.

— Это точно, — поддакнул Гурыня.

Как бы ни хотелось Паку сохранить репутацию умного малого и хитреца, ему ничто не шло на ум, ничего-то он не мог придумать. Больно непривычная раскладка получалась — куда ни плюнь, в себя попадешь! И от Гурыни этого, придурочного, толку не будет, какой от него, пустоголового, толк! И бежать некуда, и посоветоваться не с кем, и поплакаться некому! Прямо, хоть иди и сдавайся!

На прощанье Пак треснул железкой по загривку самого жирного выродка и вышел из хлева.

Снизу, из подпола доносилась какая-то возня. Там что-то падало, гремело, звенело... Пак заглянул в дыру, полуприкрытую фанерой. Но почти сразу же ему в лицо плеснуло чем-то горячим, помойным, аж дыхание сперло.

— Уйдитя-я! Я тут не причем буду! Не виноватая я! — истошно завопила снизу Эда Огрызина. — Там ищитя, наверху-у!

Пак захотел спуститься и разобраться с толстухой. Но передумал.

— Осатанела, что ль? — поинтересовался он, вытирая лицо.

Эда тут же успокоилась.

— Хитрец, ты? Чего пужаешь-то?! Я уж думала, конец, туристы по мою душу пришли! Ну ты совсем блажной, разве ж так шутят?!

Пак не стал пререкаться.

— Ты про меня молчи, дура! — сказал он коротко. — А то я тебя без туристов прикончу!

— Все ходят, пугают, понимаешь, страшат все! — заворчала Огрызина. — Нужны вы мне больно, да катись хоть сейчас, плакать не стану. Я б тебя еще на матрасе придушить могла б, а я пожалела на свою голову. Вот и жалей вас теперича...

Паку надоела пустая бабья болтовня. И он вернулся в комнатушку. Поставил немного, прислушиваясь, потом отодрал доску с заколоченного окна, присмотрелся. Снаружи все было вроде бы спокойно. И он вылез.

Папашу Пуго нарядили в самые лучшие сдешды. Еле сыскали в поселке дореформенные штаны — черные, широкие, на пуговках, и телогрейку, синенькую, расшитую голубыми мира. Наряд пришелся впору. Лишь длинные грабли папаша торчали из рукавов на полметра, свисали до самой земли. Но они и отовсюду торчали, не научились, видно, шить на таких, как папаша Пуго, да и когда теперь научатся.

Поселковые женщины заглядывались на передовика-красавчика, обряженного получше иного жениха.

— Гы-ы, гы-ы! — радовался сам папаша.

Буба Чокнутый носился с „народным избранником“ как с писаной торбой. Дура Мочалкина и вовсе слюной исходила.

— Ну и чего мы с им теперь делать станем, едрена вошь? — спросил Бубу инвалид Хреноредьев, после того, как все было готово для сдачи избранника туристам.

— Ну и безмозглый же ты обалдуй, как я погляжу, — ответил Чокнутый. — Дурак из дураков!

Хреноредьев раздулся пузырем, из носа потекло.

— Ты при людях, едрена-матрена, мене не оскорбляй, Буба! — сказал он запальчиво. — У нас тоже гордость имеется, едритя кочергой!

Папаша Пуго обнял Хреноредьева и слюняво поцеловал в синие губы.

— Гы-ы, гы-ы, гы-ы!

Сколько ни поили папашу, а он оставался все таким же как и в самом начале, не падал, не пускал пузырей из носа, не норовил притулиться где-нибудь в уголку и соснуть чуток. Видно, папаша чувствовал свою особую роль неким врожденным чутьем и потому держался молодцом. Лишь почти новехонькие черные штаны на радостях замочил, но ему это в вину не ставили. Мочалкина кокетливо отводила слипающиеся глазки, старалась посмотреть поверх головы, в пространство.

— А я повторю, Хреноредьев, — сказал Буба, — при всех повторю, что тупарь он и есть тупарь! Здесь, как верно заметил наш Коко, хер хрена не слаще.

Хреноредьев подпрыгнул и ударил Бубу в живот протезом-деревяшкой. Да так, что Буба согнулся в три погибели и застонал. Папаша Пуго дал щелчка инвалиду и тот упал без чувств. Потом он пригнулся к Бубе и смачно, в засос поцеловал и его. Мочалкина зарделась. Она все думала, когда же Пуго про нее-то вспомнит! И вспомнит ли!

Но все завершилось благополучно. Бегемот Коко разнял спорщиков, дал каждому по затрещине, в том числе и дура Мочалкиной. Та сразу же позабыла про папашу и уставилась на Коко влюбленными глазами.

— Пора!

Буба страхнул пыль с колен, расправил плечи.

Они стояли чуть ли не посередине площадки. Но никто, кроме двух десятков местных хозяек, сгрудившихся в одну кучу, на них не реагировал. Трапы, по которым обычно ходили туристы, чуть покачивались и, казалось, протяжно и тонюсенько пели на ветру. Железная клепаная башня, проржавевшая снизу и немного покосившаяся, стояла как и обычно — наглухо задраенная. Люки не открывались. И никто не появлялся, хотя пора бы уже, пора было появиться!

— Буба, браток, может, ты и впрямь Чокнутый, а? — спросил неожиданно Коко. — Может, про нас и думать забыли, а мы тут дурака валяем?! — При слове „дурака“ он

выразительно поглядел на Хреноредьева. И тот снова лишился чувств.

Папаша Пуго приподнял инвалида за шкуру, он не любил, когда обижали слабых и всегда жалел их.

— Гы-ы, гы-ы!

От липкого и слюнявого поцелуя Хреноредьев очнулся.

— Все, едрит-передрит! — сказал он задиристо. — Все! Щяс начну всех калечить! Без разбору, едрена-матрена!

Но калечить он, конечно же, никого не стал. Он и сам-то был калеккой — из трех ног лишь одна своя, остальные две — деревяшки. Руки у него были с рождения кривыми, да и какие это руки! Туловище все — наперекосяк, ни сказать, ни описать. Поговаривали, что и с мозгами у Хреноредьева было не лучше.

Доходяга Трезвяк помалкивал и ни во что не вмешивался. Ему было страшновато. Правда, состояние это для Доходяги было привычным, еще бы, жить под этим куполом с этим народцем на трезвую голову и ничего не бояться мог лишь воистину чокнутый, тот у кого крыша совсем набекрень съехала!

ad ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

Кто не знает плодovitых сочинителей фантастических повестей и романов, вездесущих, всюдупроникающих и до бесконечности печатающихся братьев Стругацких, которые, правда, как и их многочисленные коллеги по „придворной литературе“ времен застоя, ныне гордо и непререкаемо объявили себя жертвами и страдальцами минувшей эпохи. И ладно бы! И сочиняли бы себе утопии с невероятными приключениями на манер американских вестернов. Тешили бы юную поросль байками о похождениях сыщиков-„прогрессоров“. Так нет ведь. Мало этого! Надо братьям-сочинителям подлить маслица в костер, прямо не терпится! И появляется в двух номерах „Юности“, а затем и отдельной книгой нечто бесформенное и многозначительное под заголовком „Отягощенные злом, или Сорок лет спустя“.

Авторы показывают нам неких „хиппарей“ будущего, потомков нынешних, но не утруждают себя созданием хотя бы некоторой правдивости, с таким же успехом можно было бы „пересадить“ обитателей коммун 60-х годов прошлого века в нынешнюю дискотеку. Тут же игры в демиургов-воландов, со всей вытекающей из них чертовщиной, слабенькая, но отчаянная попытка приблизиться к М. А. Булгакову. Короче, скучный роман – серый и вялый. Язык же для Стругацких обычный, их язык. И если ныне вполне обоснованно принято говорить о литературе русской и литературе русскоязычной, то творения братьев-сочинителей, пожалуй, ни к той, ни к другой не отнесешь. Скорее это некая калька с английского, приправленная техницизмами, полублатным модным жаргоном, мерзкими словечками, рассыпанными тут и там, типа „дристун“, „дрисливый“ и прочее. И все бы это, вместе взятое, не заслуживало бы того внимания, которое мы оказали ему, если бы не два момента, на которых стоит остановиться, ибо это уже не шутки и фантазия, да и не просто пошлость и серость, а кое-что позначительнее.

можно и современную „феню“ внедрить в первый век нашей эры. Иоанна ссылают на остров Патмос. Описание святого таково: „полуголый, вываренный в кипящем масле, облезлый профессиональный бандит (!)“. На острове он ведет себя соответствующим образом – „изувечено четверо рабов... Бандит лишил их гениталий“. Были, правда, у персонажа Стругацких и иные интересы. „Иоанн напивался. Свободных женщин на острове не было. Он обходился козами!“ При всем при том „никаких иных желаний у него не возникло“, и вообще он „был счастливейшим человеком“. Общался он с пастухами. Пили и обсуждали „все тонкости приятного занятия“, то есть как „выбирать животное“, „подготовить его к употреблению“, „чтобы в удовольствии ничего не было потеряно“. Этаким симпозиумом скотоложцев! По всей видимости, сочинителям мало того, что в печати смакуются подробности практически всех извращений, им непременно надо втиснуть в тактовые и библейские персонажи, для остроты. И прочего. Чтобы не дай Бог читатель не подумал, что христианство основывалось людьми достойными. Далее, вел себя Иоанн так: „Он заикался, как паралитик. Он заплывал себе всю бороду“. Можно долго еще приводить примеры. Но слишком уж противно. Скажем лишь, что Откровение Иоанна Богослова, часть Священного писания, братья-сочинители называют „кешер“. И поясняют – „словечко из арамейской фени, означающее примерно то же самое, что нынешний „роман“, – байка, рассказываемая на нарах в целях утоления сенсорного голодания воров в законе“!

Воистину, чудеса гласности и перестройки невообразимы! Ни в одной цивилизованной и нецивилизованной христианской стране мира ничего близкого представить даже нельзя. Авторы подобной клеветнической хулы давно бы уже сидели „на нарах“ и „в целях утоления своего сенсорного голода“ слушали бы подлинные „кешеры“ (конечно, если бы им вообще досталось место

бесцветная физиономия“, „белобрысые волосы“, „поганая морда“, „сука“, „дрянь поганая“, и еще кое-что похлестче – все это характеристика персонажа, пишущего о себе в анкетах „великоросс“. Авторы не отказывают себе в удовольствии – тут же следует выполненное с садистской сладострастностью описание избиения этого „великоросса“. Герой романа зверски издевается над „посетителем“, пришедшим к его хозяину – Сатане-Демиургу. К месту сказать и о самом герое, хорош пример для юных – прислужничек нечистой силы, холуй дьявола! Стругацкие рядят его в тоги благородства и мужественности. В чем они проявляются? А в том, что не нашел в себе сил, не смог „раздавить мерзкую поганку“, „гадину“, „сючку поганую, непотребную“, просто не успел – вмешался хозяин. От Сатаны за учиненную кровавую расправу герой получил поздравления и благодарность. А так как Сатана-Демиург в романе носит явно положительную окраску и парит надо всеми в роли высшего судьи, то и оценка им действий героя соответственно воспринимается читателем как поощрение к рукоприкладству. Бей, громи этих „великороссов“ без жалости и смущенья, все в плюс зачтется! Круши „Исступленных почвенников“! Чтоб не повадно было „родимым хрипунам, ревнителям доброй старины нашей, спесивым свидетелям времен очаковских и покоренья Крыма“! Каких только эпитетов не подбирают сочинители к тем, кто не следует их указаниям, не отрекается от предков. Похода иронизируют над „славянской широтой природы“.

Тема „гонителей“ и „вечно гонимых“ для Стругацких не нова. Так или иначе она просвечивает во всех последних произведениях братьев-фантастов, кочует из повести в роман и далее. Какие-то избранные, самые тонкие и чуткие, самые интеллигентные и мудрые, душевные и добрые вечно у них в гонениях от общества. Все вокруг плохие, а они, „гонимые“, хорошие. Они все знают и все понимают. Они выдержанностью, собран-

на всю ночь их собратья-коллеги из всевозможных „радиоголосов“. Но не меняя тональности, все на той же струне, все в ту же дуду! Будто нет в мире ничего важнее, будто не умирают ежедневно сорок тысяч детей по всей планете от голода, будто не несут смерть всему живому озонные дыры над нашими головами и с экологией все в порядке... Нет, все про одно и то же, все о „попрании прав“ и „преследованиях“, все о „гонимых“ и „гонителях“ – без передышки! И уже привыкаешь к этому сонму голосов, воплей, призывов, и все сливается в какую-то круговерть, сатанинскую пляску, бесовщину, и уже не разберешь, что к чему и зачем, хочешь отмахнуться, дескать, будь что будет. Но ведь „оркестр“ играет! Да еще как! А знаешь, кому-то это нужно? Значит, кто-то оплачивает „музыку“, и стало быть, звучит она неспроста? А потому и отмахиваться не след. Сколько мы уже отмахивались, а потом горестно руками развели, дескать, знали бы, дык и соломки подстелили! Нет, неправда. Знали! Да по природной своей простоте, той, что хуже воровства, на авось надеялись, думали – обойдется. Не обходилось! Ни разу! И все вопли и плачи о „попраных“ и „притесненных“ оборачивались народу нашему смертями и разрухой, мором и голодом.

Отходчив народ российский, незлопамятен и по-христиански всепрощающ. Приходят новые поколения, забываются плачи и стоны. И все повторяется...

Из номера в номер вся „прорабская“ пресса, будто по взмахам палочки одного дирижера, пугает обывателя жупелом русского национализма. Мало статеек, и в ход идут романы, повести, рассказы и рассказы. Ведь газетная информация может и взволновать, и потрясти, и расстроить, но она быстро забывается. А если подается слишком часто, так и просто надоедает. Иное дело художественные образы, проникающие в глубины сознания и подсознания, закрепляющиеся там. Человек может забыть сюжет, героев, но страх и тревога внутри его остаются. Таково воздействие „образов“, порциями впихиваемых в читателя Стругацкими. С завидным постоянством последние впрыскивают чередующимися наркотическими дозами в сознание единственную мысль: мир поделен на гонимых и гонителей! И с каким бы старанием братья-сочинители ни пытались играть в „борьбу с национализмом“, видно невооруженным взглядом, что „гонимые“ – это, разумеется, евреи, а злобные и жестокие „гонители“ – русские.

Политическая борьба последних трех лет высветила достаточно четко, кто заинтересован в раздувании „еврейского вопроса“, откуда льется черным потоком грязь на русский народ, откуда несутся бесконечные сетования на судьбину „бедных евреев“, затравленных до предела, ну, дальше некуда просто! Как бы ни хотелось нам остаться в стороне, не влезать во все эти дрязги, но кружащие над страной, над ее руинами-развалинами „ястребы-прорабы“ сделать нам этого не позволяют. За дело они взялись крепко! И на знамени их четко выведено одно слово – русофобия!

Подавляющему большинству еврейского народа претит бесконечное подчеркивание их национальной принадлежности. Да и кому может понравиться бесконечное напоминание – ты такой, ты сякой. Сочинители же беспрерывно и настойчиво бьют в одну точку, вдальбивая еврея одну и ту же мысль: „Это ты гонимый, не забывай об этом ни на минуту, это за тобой охотятся националисты-черносотенцы, боевики, твоей беде они желают, помни об этом всегда и детям накажи помнить!“ Слова иные, манера иная, но в память закладывается именно это – страх! Какая же это борьба с проявлениями национализма?! Это не борьба, это сам национализм, страшный, полускрытый, и есть.

Еще Бен Гуррион структурировал сторонников своих идей в таком вот духе: там, где евреи забыли о том, что они „избранные“, что они „гонимые“, что „жизнь их на волоске“, надо создавать специальные подразделения, которые бы тем или иным образом напоминали евреям, что они не такие, что опасность их подстерегает от гонителей на каждом шагу, и так далее, и тому подобное. Все это, дескать, помогает „избранному народу“ ощущать свою избранность, не распыляться, не ассимилироваться. Некоторым из наших сочинителей стоило бы крепко задуматься, стоит ли вольно или невольно исполнять заповеди сионистских лидеров, запугивая евреев мифическими гонителями?

АПОСТОЛЫ ДЬЯВОЛА

Первое. В романе Стругацких действует персонаж, именуемый Иоанном Богословом, причем ему отведено довольно-таки много места, выписан он с особым тщанием. Другое дело – как выписан. Для христиан всего мира имя Иоанна Богослова – святыня, а сам он недостижимый образец для подражания, подвижник, символ целомудрия, чистоты, честности, праведности. Среди апостолов наряду с Петром он занимает ведущее место. Он любимейший ученик Иисуса Христа, во время тайной вечери „возлежавший на его груди“, то есть пользовавшийся абсолютным доверием. Среди апостолов Иоанн Богослов единственный (!!!), кто сохранил твердость духа после ареста Иисуса Христа. Лишь он стоял на Голгофе у креста с распятым Иисусом. Именно ему, Иоанну, завещал Христос быть приемным сыном Богородице, деве Марии, охранять ее, беречь от невзгод житейских. Он автор Евангелия от Иоанна и Апокалипсиса, называемого также Откровением Иоанна Богослова. Для христианской церкви он аскет-провидец, духоносец, одна из центральных фигур самого христианства. То, что выделяло его из христианских святых, апостолом братья-сочинители, трудно объяснить. По Стругацким, Иоанн и его брат Иаков – „хулиганы и шкодлики“, „гопники“, „сущие сукны сыны, бичи божьи и кобеля-разбойники“. А вот их мораль: „Они вообще не хотели работать. С какой стати? Они хотели жить весело, рискованно, отпето – играть ножами, портить девок, плясать с блудницами и распивать спиртные напитки“. Все это от слова до слова противоречит библейским текстам. Зачем, во имя чего унижать, опознать, очернять то, что свято для многих сотен миллионов христиан нашей планеты? Но далее, Иоанн с братом „прогуливали хабар (!) в компании шлюх и подельщиков в одном из притонов“. Далее, „дельце было пустяковое, они зарезали поддатого горожанина...“. Язык Стругацких соответствует поставленной задаче – читатель ни на секунду не должен сомневаться, что речь идет о подонках, о самом дне преступного мира, а ради этого

на нарах, ведь обычно ценителям скотоложества место отводят у параш и не балуют байками). Но, парадокс, авторы на воле, в сиянии раздутых вокруг голов нимбов поучают учеников-сочинителей.

Результат чудовищен! Несколько миллионов молодых людей нашей страны, не читавших Библию даже в детских переложениях, благодаря „прогрессорам“ Стругацким получили самое превратное, заведомо ложное представление об одном из апостолов, о самом христианстве, а следовательно, и об основе всей европейской культуры и цивилизации, в том числе и нашей, российской!

Но мало, мало этого. Они сращивают Иоанна Богослова с вечным жидом Агасфером, превращают их в единый персонаж Иоанна-Агасфера, прислужника сатаны! И в таком вот качестве Иоанн Богослов а-ля Стругацкие доживает до наших дней, называют его уже Агасфер Лукич. А представляет он из себя какое-то дьявольское отродье, нечистую силу без малейшего оттенка благородства, как, скажем, у булгаковского Воланда, подлека, мошенника, подонка... Такая вот связь времен. Не буду делать никаких выводов – разумеющий уразумеет. Напомню лишь, что Стругацкие иступленно ведут тему „учителей-наставников“, поводырей молодежи. Роман напечатан в журнале для молодежи. Куда же ее ведут поводыри?!

Второе. Роман буквально напигован „националистами“, „шовинистами“, „черносотенцами“. И в далеком прошлом, и в настоящем, и в будущем авторам мерещатся какие-то жуткие, мерзкие и отвратительные даже внешне гонители „избранного народа“. О чем бы ни писалось, как бы ни писалось, но изо всех щелей и дыр нового творения братьев-сочинителей дует не ветерок, а целый ветрище лютый, нетерпимой русофобии. Уже не просто проглядывает, а откровенно лезет наружу почти с каждой страницы открытая, чисто физическая неприязнь к русскому человеку, к его облику. „Такой русский... и глаза вполне стальные, а в то же время какая-то бледная немочь“, „белесовато-

ностью, верю в „светлое будущее“ противостоят немислимимым, бессчетным армадам „шовинистов“, „националистов“, „черносотенцев“. Они и воспитатели юности, истинные наставники. Они – как, например, в пресловутых „Гадких лебедях“ – постепенно завоевывают любовь и уважение младшего поколения, вбивают клинья между детьми и отцами, а в итоге уводят детей от отцов. Так ли уж все это фантастично? Да нет, пожалуй. Пригласитесь, что ныне происходит в нашей жизни: стал постоянным лозунг – „у молодежи своя культура, своя музыка, свой образ жизни, отцам, старшему поколению не понять их, молодых“, и т. д. и т. п. То есть хотим мы это замечать или нет, но настойчиво проводятся в жизнь установки, бывшие прежде в основном в „фантастических“ романах иных сочинителей, подверженных комплексу „избранности и гонимости“. Когда этот комплекс внутри человека, мы имеем дело с обывденной патологией, занимающейся которой дело врачей-специалистов. Но когда „комплексы“ выплескиваются наружу при посредстве многомиллионных изданий, когда они навязываются тем, кто ими пока не страдает, то мы уже не имеем права помалкивать или, как многие псевдомемократы, восторженно рукоплескать, дескать, во как раскрепостились! Это уже не частная патология. Это уже направленная на умы и души эпидемия! Распространяется вполне сознательно и в массовом порядке нравственный СПИД! Авторы стремятся инфицировать собственной навязчивой манерой преследования миллионы чистых и наивных душ, не знающих ни истории своего народа, ни истинного положения по части „гонимости“ и „избранности“.

С некоторых пор стало у нас необыкновенно модным делом играть на одной струне, к тому же в определенной тональности. Сложился даже этаким сверхмощный оркестр, оснащенный всеми существующими инструментами, усилителями, фусами, квакерами и прочей квазитехникой, звучащий отовсюду и без сна и отдыха – когда засыпают наши оркестранты, тут же включаются

ЮРИЙ ПЕТУХОВ

ЗВЕЗДАНАЯ

МЕСТЬ

ГЛАВЫ ИЗ ФАНТАСТИКО-ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА-ЭПОПЕИ

ТРИУМФ

ВСЕНАРОДНОЙ ПОДПИСКИ НА СЕРИЙНУЮ БИБЛИОТЕКУ

ЮРИЯ ПЕТУХОВА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ФАНТАСТИКА»

ТРИ МИЛЛИОНА ЗАЯВОК!!!

Прошло меньше года с первого объявления экспериментальной лимитированной подписки на многотомное собрание сочинений писателя-фантаста Юрия Петухова. Объявление это, робко прозвучавшее по радио среди тысяч громовых, «обличающих» репортажей и материалов, всколыхнуло спящую страну, окутанную неверием и недоверием. Несмотря на ухмылки скептиков и неоднократные массивные и изощренные попытки административно-командно-перестроечного аппарата задавить всенародную открытую подписку, лед тронулся: многострадальная, но еще не уничтоженная до конца Россия откликнулась более чем тремя миллионами заявок. Власть имущие и литературно-прорабская верхушка процедили свое запретительное «нет». НАРОД ЗАЯВИЛ ТВЕРДО И РЕШИТЕЛЬНО — ДА!!! Исполнительная и казалась несокрушимая семидесятилетняя замшелая стена литературной монополии дала трещину, и сквозь нее пробился чистый ясный луч — его блики легли на лица миллионов соотечественников, высветили скрываемое под коростой бытия. Страна зачарованно выдохнула сотнями тысяч писем: неужели это правда?! неужели у нас возможно такое?! неужели вспомнили и про нас, про людей?! свершилось!

Да, свершилось! Литературно-мафиозный клан, контролирующий издательский процесс в стране не успел наложить когтистую лапу, он прозевал миг, кратчайшее мгновение прозевал! И он проиграл! Зато выиграли читатели! Клан самоопылителей и самоиздателей, все эти раздобревшие на спецпайках «детишки Арбата» и выходцы из «домов на набережных» завалили книжные прилавки нашей страны мусором. Члены клана, опутавшие Россию своей липкой и мерзкой паутиной, все эти хамелеоны-перестройщики, процветавшие при любых режимах, увлеклись заграничными вояжами и оттого потеряли в какой-то степени контроль над издательским делом в стране — жажда валюты, долларов затмила в глазах бывших апологетов «развитого социализма»

все. Ну и Бог с ними! И так слишком много места мы уделили этим прорабам-страстелям и прогрессистам-непущателям, не стоят они того! Главное — народ поверил в доброе дело, вершимое ради него! Поверил в то, что совсем необязательно между Ним и писателем должны маячить мрачные тени создателей искусственного дефицита. Свыше десятилетия, и не только в застойно-запойную эпоху, но и все годы так называемой «перестройки» один из наиболее интересных писателей современности подвергался беспрецедентной и жесточайшей травле. В письмах людей, получивших и прочитавших первый том собрания сочинений, один вопрос, основной — почему от нас скрывали произведения писателя, почему?! О какой-то «травле» и «гонениях» с каждого угла вопили лауреаты сталинско-ленинских премий, литературные бонзы, пресытившиеся изданиями и достатком. О подлинно гонимых просто молчали. Их имен не могли знать читатели! На них было наложено «высочайшее» вечное проклятие. И вот свершилось! Всенародная подписка выявила кто есть кто! Запрет с фантастико-приключенческих романов и «романов ужасов» Юрия Петухова снят! В ближайшие три года выйдут в свет все одиннадцать томов. Что же касается тиражей — все зависит от Вас, дорогой читатель! Напомнишь лишь, что когда народ един в своем мнении, противостоять ему невозможно! Интервью с писателем Юрием Петуховым читайте в следующем номере «Голоса Вселенной».

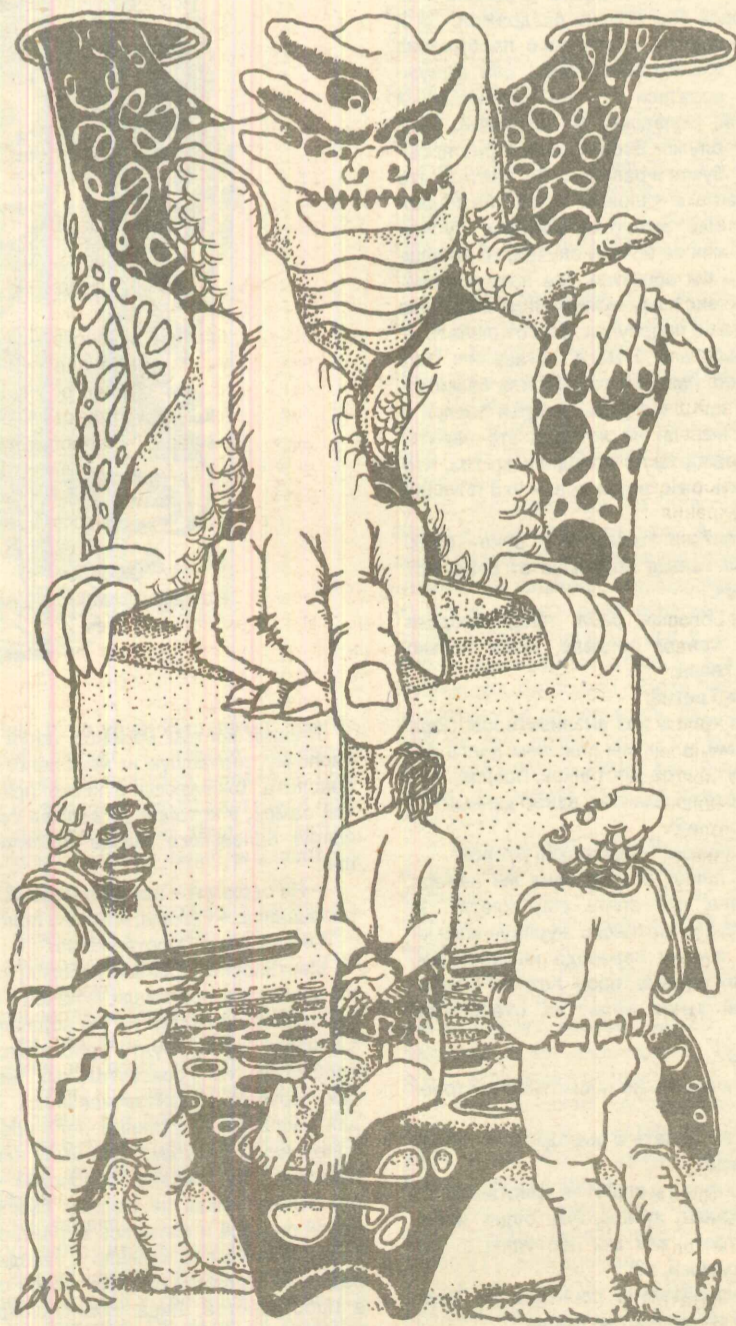
Редакция

Три огромных мутных глаза смотрели сверху на Него. В этих глазах не было жизни. Но в них не было и смерти. Это были холодные нечеловеческие глаза, такие могли быть у насекомого, у ящера, глубоководной рыбы... хотя нет, ни у одной земной твари, даже самой мерзкой и отвратительной, не могло быть таких безжизненных и страшных глаз. И все же в черных матово поблескивающих зрачках с золотистыми ромбовидными прорезями-диафрагмами угадывался разум — непонятный, чуждый, но разум.

Он еще ничего не понимал. Он смотрел вверх, смотрел словно околдованный, не мигая, не жмурясь. А память все отмечала, запечатлевала, закладывая в вечные хранилища подсознания, преобразуясь тем самым из обычной рассудочной памяти в нечто более глубокое и емкое, чему нет названия, но что несет запечатленное через поколения — от отца к сыну, внуку, правнукам.

Он поднял руку, махнул ею, пытаясь отогнать жуткое видение, открыл рот, раздумывая, надо ли кричать, звать на помощь или еще рано, не стоит, все и так обойдется... И

не закричал. В этом мире все было ново для Него. И потому Он пока не умел пугаться по-настоящему, до судорог и оцепенения, до крика и слез. Он даже вытянул губы, скривил рот в улыбку, рассчитывая, что огромное и непонятное существо ответит тем же, что они улыбнутся друг другу, рассмеются, и все будет хорошо. Но трехглазый не улыбнулся. Кто знает, может быть, он вообще не умел улыбаться, а может, просто не хотел.

Отец с матерью куда-то подевались. Он долго лежал молча. Потом долго звал их. Потом появились эти три неожиданных глаза, и Он не мог оторваться от них, не мог избавиться от изучающего ледящего взгляда. Он был очень доверчив. И Он еще не знал, что в мире существует Зло.

Что-то холодное и колющее обхватило Его тело, сжало, сдавило. Он почти сразу взлетел вверх — теперь трехглазое лицо смотрело на него в упор. Он откинул голову назад, чтобы не видеть этих ужасных недобрых глаз. Но в затылок уперлись сразу два острия, надавили, не дали Ему отвернуться. Почти одновременно мелькнула какая-то тень, и Он почувствовал резкую боль над переносицей и у виска. Что-то липкое и теплое потекло сверху... Тело сдавило еще сильнее. Но даже и тогда Он не закричал.

Их было трое на этой дикой и глухой окраине. Все осточертело им до невозможности, но деваться было некуда. В патрульную службу шли как на каторгу, смены ждали с первого же дня, проклиная все на свете, включая и саму Систему. Еще бы не проклипать! Для патрулирования периферийных зон вполне достало бы автопатрульщи-ков, так ведь нет, какие-то там инструкции требовали, чтобы кроме киборгов на станциях присутствовали и живые! Они ненавидели инструкции. Но они им подчинялись.

— А с этим гаденышем что делать? — спросил Первый.

В вытянутой руке он держал маленькое голенькое существо, покрытое настолько нежной светленькой пленочкой-кожицей, что казалось, надави чуть — из-под нее брызнет жидкость, жижа.

— Ты его совал в анализатор? — поинтересовался Второй.

— Да.
— Ну так чего же задаешь дурацкие вопросы! — Второй был сильно раздражен. Да и как иначе — вместо спокойного пребывания на станции и ожидания смены, они вынуждены были возиться с этим примитивным кораблишкой, попавшим в незримые сети патрульных служб. Второй много раз посылал вверх бумаги-рапорты, он считал, что если поставить в узловых точках на подходах к Системе автоаннигиляторы, пускай даже с дублями на всякий случай, то вообще можно было бы обойтись без патрулирования — зачем оно, кому нужно! Надо жечь всю эту мерзость на подступах, а не отвлекать от дела... Но все его бумаги оставались без ответа, видно, наверху сидели или безмозглые тупицы или... о другом Второй боялся и помыслить, нет, он не хотел в это верить, просто его рапорты не доходили до тех, кто может решать сам, вот и все. — Что показал анализатор?

Первый потряс голышом в руке — брезгливо, держа тельце подальше от себя. Рот его скривился.

— Падал! Низшая раса, предпоследняя ступень, на самом пределе, ниже только безмозглые твари.

Вмешался Третий:

— Это все ясно и без анализаторов! Пора кончать с ними, и так мы слишком долго валандаемся тут с этой жестянкой. Пошли!

— Ты в бортовую машину занес данные?

— Не тот случай!

— Ну, как знаешь, — пригрозил Второй.

И Третий понял, что сегодня же наверх пойдет бумага, что опять ему влетит. И ползая к тумбе бортового журнала-компьютера, нажал кнопку перевода информации, снятой со всех анализаторов. Хотя он и знал, что от одной капли океан не становится полнее.

— Порядок!

Второй кивнул, но не посмотрел в сторону Третьего.

— Так что же делать с выродком? — снова спросил Первый.

— Да вышвырни ты его! И не приставай!

— Нет, я просто думаю, ему будет интересно посмотреть, как мы поступим с его папашей и мамашей, а?!

Второй выразительно поглядел на Первого, поскреб морщинистые брови.

— Ты слишком высокого мнения об ум-

ственных способностях этих животных... — проговорил он негромко. — А впрочем поступай, как знаешь.

— А я предлагаю устроить маленькое развлечение! Имеем мы право немного позабавиться или нет?! — сказал Третий, заглядывая в лицо голышу. — У них там — три капсулы, три катерка... Но нам потребуется всего-навсего один, поняли мысль?

— Все это дешевка — брызгливо прохрипел Второй. — Палить в мишень, заранее зная, что попадешь в нее в любом случае, нет это не по мне. Не стоит переводить зарядов!

Первый осторожно, всеми восемью пальцами, сложенными лопаточкой, погладил голыша по голове. Причмокнул.

— А заряд мы сэкономим на папаше с мамашей, — сказал он.

— Годится! — отозвался Третий.

Они прекрасно друг друга понимали, хотя всякий раз переходя из Невидимого спектра в Видимый, теряли часть своих способностей и свойств.

— Пошли! — приказал Второй. И добавил: — Только накинь на него поле, чтоб не сдох раньше времени!

— Ну, как тебе это нравится, малыш? — поинтересовался Первый, поглядывая не столько на голыша, сколько на Второго и Третьего. — Нет, ты только погляди! Ну разве амебы должны разгуливать в Пространстве, а? — Не дождавшись ответа, Первый поучительно и мягко произнес: — Амебы должны сидеть в своей грязи и не высовываться! Для собственной же пользы, малыш!

Первый знал, что голыш все равно не понимает его слов. Но ему было приятно ощущать себя добрым и всемогущим наставником. Тем более, что на этой дикой глухой окраине была такая скукота!

Чуть светящееся защитное поле предохраняло тельце голыша от смертных объятий Пространства. Да и сами патрульщики вышли налегло, без скафандров — они не собирались долго пребывать в пустоте, и их внутренних жизненных сил вполне хватало, чтобы какое-то время не ощущать холода Космоса, отсутствия внешнего давления и дыхательной смеси, они не были «амебами».

Послушные киборги выполнили телепатический приказ Второго и подогнали почти вплотную к стоящим капсулу-катерок из

Первый когтем мизинца ткнул в черную кнопку, торчавшую из массивного желтого браслета, сжимающего кисть правой руки, той самой, в которой он держал голыша, — и вокруг беленького тельца разлилось свечение.

— Не сдохнет! — заверил Первый. И тут же поправился: — Раньше, чем ему положено!

Они вышли в Пространство.

Шестиногие стройные киборги, как и было им приказано, привязали чужаков к поручням смотровой площадки их же корабля. Широко раскинув руки, будто распяты, висели пришельцы на горизонтальных металлических трубах, предназначавшихся вовсе не для распятий. Опутанные ноги крепились к поперечным стойкам. Тела были напряжены, казалось, их сводит судорогой — то ли пришельцы никак не желали смириться со своей судьбой и пытались вырваться из пут, то ли их ломало и корчило в звездной лихорадке, не щадящей ни одно живое существо в Пространстве. Лица чужаков скрывались за темными, почти не просвечивающими стеклами шлемов.

подвешенного бункера корабля чужаков.

Первый собрался было положить голыша в капсулу — в единственный ее жилой отсек: анабиокамеру. Но Третий остановил его.

— Пусть поглядит!

Первый приподнял руку повыше, теперь голыш словно бы парил в черноте Пространства. Но по его живым и почти осмысленным глазенкам было видно, он что-то понимает, ощущает, он, скорее всего, даже признал своих распятых родителей, он смотрит на них и только на них, и лицо его меняет выражение... Первый допускал, что и животным дано ощущать кое-что, пусть рефлекторно, инстинктивно, но что-то они ведь чувствовали, ведь в амебе, когда ее давят, тоже неприятно, а как же! Но Первый знал и другое — амебам не место в Пространстве! И уж тем более на подступах к Системе!

— Включай!

Третий не прикоснулся к капсуле. Но из ее двигателей вырвалось пламя — еще небольшое, напряженно подрагивающее, не достигающее пока распяты, и все же страшное, безжалостное. В пустоте Про-

странства не было слышно его рева, гуда. И от этого оно казалось еще страшнее. Третий немного отодвинулся — сквозь чешую голени он почувствовал надвигающийся жар.

— Чего тянешь?! — не выдержал Первый. Ему надоело держать в вытянутой руке трепыхающееся тельце Голыша.

Второй недовольно посмотрел на него.

— Все должно быть по инструкции, — сказал он твердо, непрекаемо.

Языки пламени выросли. В их ненормальном, неестественно ярком, ослепительном свете фигуры чужаков проявились контрастнее, словно стали больше, словно выросли в размерах. Стекла шлемов утратили дымчатую пелену, и сквозь них проглянули лица — двухглазые, обтянутые такой же тоненькой светленькой пленочкой как и у голыша.

Второй, стараясь придать голосу безразличия и монотонность, вставляя проговорил:

— В соответствии с тридцать четвертым пунктом Всеобщей инструкции, непосвященные, достигшие пределов Системы, а также представители всех низших рас и всех пограничных подвидов высшей расы без исключения для их же блага подлежат разложению на составляющие или, в случае отсутствия аннигиляционных средств, обычному уничтожению в срок не позднее двух мегелей с момента обнаружения, исключения не допускаются...

— Кончай, и так все ясно!

Отблески пламени заиграли на чешуе и комбинезонах патрульщи-ков, на металлопластиковых конструкциях станции, на бледном личике голыша.

Он их узнал сразу. Даже сквозь темные стекла он увидел их родные добрые лица. А может, Ему только показалось, что Он их видит. Страшная холодная рука продолжала держать Его на весу. Но Он не боялся упасть.

Ему казалось, что вот сейчас, через мгновение эта непонятная и неприятная игра закончится, что все будет как прежде, что Его подхватят большие теплые и мягкие руки, прижмут к груди, и Он забудет про все на свете, уснет, растворится в тепле.

Но ничего этого не происходило. Наоборот, становилось все страшнее, непонятнее. Он молчал. Только смотрел, смотрел, смотрел и ... запоминал.

Он не кричал, не плакал, не звал на помощь. Он лишь тянул руки к тем, кого любил. Но они не сдвигались с места, они не спешили Ему навстречу, не подхватывали Его, не прижимали к себе. Они только смотрели, смотрели на Него. И в ослепительном свете их лица становились все блее. Они что-то кричали — рты открывались, широко, но беззвучно. И Он не мог понять — почему они кричат, почему они так смотрят на Него, страшно, безысходно?! Почему в их широко раскрытых глазах застыл Ужас?! И вообще — почему все это, зачем?!

И когда белое вздрагивающее пламя полностью скрыло от Его глаз тех двоих, без которых Он не мог жить, которые были для Него всем, Он закричал. Закричал так громко, пронзительно, надсадно, как не кричал никогда. Но Он сам не услышал собственного крика.

— Слабо! Очень слабо! — недовольно проворчал Второй. — Так дела не делаются. В следующий раз я не пойду у вас на поводу. Надо их разлагать аннигилятором, как положено!

Первый уже укладывал голыша в капсулу — старался не повредить его покровов и внутренностей, какой интерес стрелять по мертвой мишени, по железяке!

Нерожденные, как их называли в Системе, или по документации — киборги, отгоняли корабль чужаков на приемные пирсы станции — там с ним немного повозятся, поизучают, потом пустят на распыл. Металлические поручни внешней смотровой площадки корабля были слегка оплавлены, но чисты, будто на них и не распинали никого.

— Хватит уже возиться! Отправляй его! — почти выкрикнул Третий.

Всем им порядком надоела эта никчемная, пустая суета. Даже те тусклые крохи интереса, что охватил их тело, куда-то вдруг пропали. Навалилась скукота, тоска.

— Придавил бы его — да и дело с концом! — посоветовал Второй.

Первый не ответил. Он возился у аннигилятора. Потом повернулся к Третьему.

— Зарядов нет. Пошли-ка там кого за батареями, а?!

— Да иди ты! — неласково отозвался Третий.

Нерожденные поднесли батареи, вставили в пазы. Но и на Первого навалилась вдруг апатия. Он отодвинул от лица окуляры, отвел прицел дальнего боя — и вправду, какой интерес стрелять, когда знаешь, что точно попадешь, причем попадешь с первого же раза?!

Второй мысленно включил обзор. Увидел, что капсула на предельной скорости удаляется из периферийных приграничных областей Системы. И все же он телепатическим приказом отключил ее работающие двигатели. Отвернулся.

— Гаденыш сам содохнет, — произнес он тусклым голосом и принялся разглядывать черный матово поблескивающий коготь на седьмом пальце левой руки, раздумывая, не пора ли его подточить немного или пока и так сойдет?! Решил, что сойдет и так.

До смены было еще далеко. Но обо всей этой каторжной маяте не хотелось думать, чего зря голову забивать! Вахты, смены, патрули... Коли уж выпало отбывать свой срок, надо набраться терпения, все равно раньше времени не вернешься.

Второй вздохнул тяжело, откинулся на спинку кресла. И все-таки достал из нагрудного кармана пилку.

Удар был сокрушительным. Иван даже не успел понять, что произошло, как оказался на мостовой. Мелькнула мысль — сшибло машиной! Но тяжеленный кованый башмак, ударивший в челюсть, развеял иллюзии, машины и прочая техника тут были ни при чем. Следующий удар пришелся по печени. Его били человек пять одновременно, никак не меньше. Но нападавшие, наверное, не совсем понимали, с кем имеют дело.

Двоим он перебил голени мгновенно, одним движением. Они рухнули на мостовую, но не издали ни звука, лишь шипели и цедили ругательства себе под нос. Иван понял, что они боятся крикнуть, привлечь внимание, а значит, он имеет дело с обыкновенными громилками. И это, разумеется, было уже неплохо. Он извернулся, вскочил на ноги.

Две недели назад, неделю, он бы их за доли секунды разнес в щепу, будь их хоть десять, хоть двадцать. Но теперь, после тринадцати дней безмерных возлияний, длившихся с утра до ночи и с ночи до утра, он был слаб как никогда. У него кружилась голова и подгибались колени. И все же он мог за себя постоять.

Поднявшись, он первым делом перебил ключицу самому здоровому из нападавших — двухметровому детине в черной кожаной куртке. Дитина упал на колени и тихо заверещал. Иван не стал его добивать, лишь пнул ногой, чтоб не мешался на дороге. Но за детинкой оказались еще четверо парней, у двоих в руках тускло поблескивали какие-то железяки.

— Ну что, фраер, — процедил один из них, наголо стриженный, с бычьей шеей, — будешь трепыхаться или как?

— Потрепыхаемся немного, — спокойно ответил Иван.

Это спокойствие давалось ему огромным трудом. Затянувшийся запой, первый запой в его немалой жизни, выбил из колеи. Никогда ему не было так погано, как в эти дни. А сейчас вообще — хоть в гроб ложись! Перед глазами мелькали круги, загогулины, чьи-то рожи, хари — казалось, они выплывают из темноты, из небытия, выплывают и потешаются над ним, бывалым космолетчиком, человеком, которому сам черт не брат! Не было сил терпеть эту похмельную гадость. А тут еще вполне реальные хари и рожи! Да с кастетами, ножами, обрезками труб.

Иван прыгнул вперед, развернулся в полете и ногой врезал стриженному в грудь. Промазал! Хотел ниже, в солнечное сплетение... Один из стоявших успел перехватить ногу, и Иван грохнулся на мостовую.

— Мочи его! — просипел кто-то сзади.

Иван резко обернулся. И в тот же миг потерял сознание. Боли он почувствовать не успел, просто потемнело в глазах, и все пропало.

Память вернулась к нему не сразу. Он долго не мог понять, где находится: у себя в одноместном гостиничном номере, или в каком-нибудь очередном притоне.

В последние дни он просыпался в самых различных местах. Но всегда с дикой головной болью, всегда в одежде. Иногда рядом сопела помятая и не менее похмельная девица, иногда не было никого, а раз он про-

чухался на груди тел, вповалку лежавших на пластиковом настиле ночлежки. Все эти пробуждения перепутались в его голове, смешались, и он не знал, где лучше, где хуже — ему нигде не было покоя. Он пил с утра до вечера. Его не тошнило и не рвало, и он мог выслушать за сутки полведра самого крепкого пойла. Только легче не становилось, память переставала жечь, лишь когда он проваливался в полуобморочную черноту забытья. А с пробуждением все начиналось по-новой.

Вот и теперь, еще прежде чем он раскрыл глаза, под веками что-то замельтешило, задергалось, набухло... и из мрака пространства выплыло нелепое нагромождение металлических конструкций, его сменило трехглазое равнодушно-спокойное, даже какое-то окаменелое лицо, но и оно уплыло вбок, освободив место двум фигурам в скафандрах... Иван резко мотнул головой, в затылке ударил тяжелый молот, виски сдавило. Он приоткрыл глаза.

Обстановка была незнакомой. Одно ясно, это не отель и не притон, даже не ночлежка.

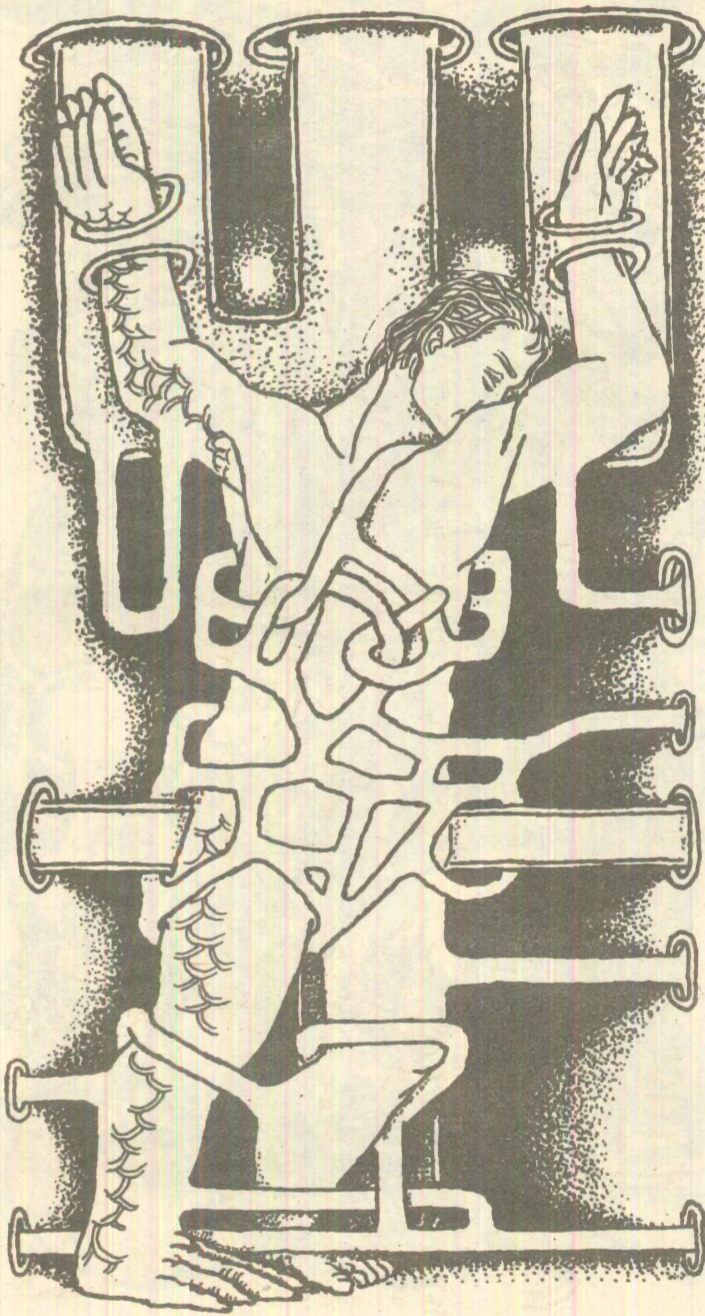
— Эй, кто там! — крикнул он.

Из рта вырвался не крик, а жалкий сип, в затылок будто ломом долбанули.

Откуда-то сверху прямо на нос упала капля воды. Иван поднял глаза — потолок был невысоким, темным, и по нему шли переплетенные трубы. Мелькнула гнусная мысль — а может, эти лурки привязали его тут, подальше от глаз людских, а сами сматились, пускай, мол, подыкает? Могло быть и так! Настроение упало до нуля, хотя, казалось, ниже падать было некуда.

— Эй, вы! — снова закричал Иван. — Сучье семя! Трусы паршивые! Да откликнитесь же кто-нибудь, мать вашу!

Он уже начинал ощущать собственное тело, мог даже пошевелить кончиками пальцев. Ничего, еще полчаса, и он придет в себя, выпутается! Не из таких переделок выбирался! Но напускная бодрость тут же исчезла, им завладевала апатия, перед глазами снова начинали мельтешить всякие зигзаги, молнии, уродцы, хари, рожи, казалось, еще немного и галлюцинации совсем

Единственным, что он видел, было переплетение ржавых труб, переплетение совершенно немислимое и беспорядочное. Похоже, его закинули в какой-то подвал или что-то наподобие. Пахло сыростью. Даже в таком состоянии он смог отметить это. И было неестественно тихо — так тихо могло быть лишь под землей или в барокамере.

Он попробовал приподнять голову. Не получилось. Напряг мышцы рук, дернулся всем телом, попробовал подтянуть колени к животу. Но все с тем же успехом. Связали! Иван мотнул головой в другую сторону и ударился о выступ трубы. Связали, сволочи! Он вдруг все вспомнил. Но почему?! Эта свора должна была по идее обчистить его и смотаться... хотя, что там обчищать — в карманах, дай Бог, если наберется с полсотни евромарок, гроши! Но все равно было непонятно, зачем он им?!

Сильно хотелось пить, глотка пересохла, язык тяжелым сухим кляпом лежал во рту. Иван скосил глаза, насколько смог выгнул шею. Но так ни черта и не рассмотрел — прикрутили его на совесть!

оттеснят явь, и тогда он или спит окончательно, или впадет в долгую бредовую немочь, или просто подойдет прямо тут, привязанным к трубам. В мозгу застучала прилипчивая короткая фраза: труп на трубах, труп на трубах... и от нее никак не удавалось избавиться.

— Вы все — дерьмо и подонки! — заорал он, не щадя пересохшей глотки. — Ну ничего, твари, мы еще побчитаемся! Мы еще с вами поговорим по душам!

От крика он снова потерял сознание. Но в этот раз не надолго. Очнулся от резкого прикосновения к губам чего-то холодного. Приоткрыл глаза. Стриженный здоровяк тыкал ему прямо под нос горлышком длинной вытянутой бутылки. Он, наверное, только что вытаскил ее из холодильника — горло было ледяным.

— пей, паскудина!

В рот ударила струя жидкости. Иван глотнул раз, другой... Горло свело судорогой от холода, но он глотал и глотал, казалось, он никогда не напьется. Он даже не ощущал, что именно он пьет, ему это было без раз-

ницы. Уже позже, когда жидкость хлынула из горла обратно, заливая грудь, ноги, он увидел этикетку на бутылке — это была обыкновенная шипучка. Да и не похоже, что-бы ему подсовывали что-то не то, никто вроде бы не собирался его отправлять на тот свет таким сложным образом, достаточно ведь было просто ножиком пырнуть или оставить привязанным. Но Ивану в эти минуты было на все наплевать. Он ощущал почти блаженство от этих нескольких не вылившихся обратно глотков шипучки. В голове загудело, зашумело...

— Ну что, напился? — поинтересовался стриженный.

Иван не удостоил его ответом.

— Ну тогда отдохни, пареня!

Стриженный с размаху ткнул его кулачком в солнечное сплетение. Иван задохнулся, вытаращил глаза, дернулся всем телом. Но тут же получил удар в челюсть. И опять провалился в темноту.

— Ничего, это тебе вместо наркоза, — процедил стриженный. И ушел.

Когда он очнулся в очередной раз, тело не было таким разбитым и непослушным, как до этого. Да и голова постепенно светлела. Молот больше не колотил от виска к виску и по затылку. Стриженный снова дал воды. Но бить не стал. Ушел, также молча, как и пришел.

Ивану начинала надоедать эта глупая игра. Терять ему было нечего.

— Эй вы, дерьмоеды! — заорал он что было мочи. — Или вы пришлете меня сейчас, или я через денек вырвусь и разнесу к чертовой матери ваше паршивое гнездо! Оглохли, ублюдки поганые!

Издали послышались тяжелые шаги. Потом прозвучало ворчливо:

— Кто это там такой грозный? Ой, как страшно, аж поджилки трясутся!

Иван собственным ушам не поверил. Это была скорее всего слуховая галлюцинация. Он ничего еще не видел, не мог повернуть головы, но уже готов был отдать левую руку на отсечение, что этот брюзжащий грубый голос принадлежит его давнишнему знакомцу, разведчику второго класса, которого вышибли за буйный нрав из Объединенного Космофлота Земли, с которым они коротали почти год на Гадре, а потом бывали в таких переплетах, что и вспоминать к ночи не следует.

— Щя мы поглядим, кто тут разносить нас собирается, щя-я!

Да, это был голос Гуга Хлодрика, Иван узнал бы его из многих тысяч голосов.

— Я, наверное, спятил! Это ты, Гуг?

— Мы все тут чокнутые, — отозвался пришедший, — конечно, это я, какой дурак еще полезет в этот проклятый лабиринт! Оклемался?

— Хорош вопросик для первой встречи после стольких лет! — возмутился Иван.

Гуг хрипато засмеялся, смех его был похож на отрывистый, хронический кашель.

— Пряма-таки уж и первой! — выдавил он, подойдя вплотную и заглядывая Ивану в лицо. — Ну что? Порядок? Я знал, что ты не загнешься!

Гуг Хлодрик был на полголовы выше Ивана и раза в полтора шире. А теперь его и вовсе разнесло, он обзавелся внушительным животом и двойным подбородком, который не могла скрыть даже всклокоченная полуседеющая борода. Лицо у Гуга и в молодости имело красноватый оттенок, а ныне стало набрякшим, багровым — Иван сразу отметил это несмотря на полумрак. Да, Хлодрик совсем не был похож на того молодцеватого богатыря-викинга, каким казался десять лет назад, от сильно сдал. И все же это был именно он.

— Ну-у, привет, дружище! — просипел Гуг в ухо Ивану. И по-приятельски стукнул кулаком плечо. — Чего зенки палишь, не ожидал?! Или, думаешь, я тебе в бреду привиделся, а?!

— Здорово, Гуг, — тихо сказал Иван и улыбнулся. Он был рад этой встрече. Хлодрик не раз его выручал, может, и сейчас он зайвлялся столь неожиданно, чтобы спасти его от этой банды подонков.

— Ну-у, признал! — обрадовался Гуг. — Ванюша, дружище, чертушка! — Он ткнул лбом в лоб Ивана, сдавил огромными ладонями затекшие плечи.

Ивану показалось, что Хлодрик плачет, он почувствовал щекой сырость его щеки. Но голос у Гуга не дрожал.

— А вот в первую-то встречу ты меня и не признал, Ванюша, гад ты этаким! Щяс, небось, и не помнишь, как засветил мне прямо под глаз, а?

— Не помню, Гуг, — сознался Иван. Он на самом деле почти ничего не помнил, мало ли чего могло случиться за эти две угарные недели.

— Это было в кабаке одноглазого Сайруса, ты там выдавал такие фортели, что только держись! Полгорода до сих пор ходит в синяках и шишках, Ваня, а местное бабье тоскует — куда подевался этот ухарь?! По простоте своей я хотел унять тебя, ну и получил по морде. Эх, придушить бы тебя, гада! Так к старым товарищам не относятся, Ваня! Ну, да ладно, я отходчивый, прощаю!

Иван только теперь сообразил, что надо не языки трепать, а дело делать.

— Развяжи меня, — попросил он Гуга.

— А буянить не будешь, — поинтересовался Гуг без оттенка шутливости.

— Развязывай давай!

— Хорошо, только ты не дергайся!

Хлодрик запустил свои лопатообразные руки за трубы, принялся там ковыряться, нащупывая узлы, пытаясь их ослабить. Но он все-таки спросил:

— Вот я тебя развяжу, а чего ты делать станешь, а?

Иван усмехнулся.

— Первым делом перекалечу этих недосков! — сказал он угрюмо.

— Каких таких этих?

— Которые меня вырубали там, наверху, и приволокли сюда! Гуг, не будь глупей, чем ты кажешься!

Хлодрик не обиделся, наоборот как-то повеселел, вновь на него напал странный полукашель-полусмех.

— Уж если кто из нас дурак, так это ты, Ваня! Любый безмозглый кретин на твоём месте давно бы догадался, что к чему! — Хлодрик отер испарину со лба, тяжело вздохнул, обдавая Ивана перегаром. — Это мои парни, понимаешь? Мои!

У Ивана внутри все перевернулось. Он готов был убить Гуга, ярость захлестнула его, переполнила, даже слов не нашлось, что-бы выразить ее.

— Точняк, Ванюша, мои! Да ты не трепыхайся, сам же мне и мешаешь, паскудина ты эдакая! Здорово они тебя примотали. Но иначе, Ванюша, никак нельзя было — ты б или сам накрылся, или бы тебя накрыли, понял?! Дурачина ты, Ванюша, и простофиля, пить ведь тоже уметь надо, это тебе не по Пространству шастать, это тебе не на Гадре со звероящерами в бирюльки играть, это тебе... Ну чего язык в задницу заткнул?! Обиделся, что ли! Ну и болван! Я тебя же и спас, Ваня! Ты на меня Богу молиться должен и по гроб жизни пойлом накачивать! А ребята мои, Ваня, мои. Я в тутошнем околотке, Ванюша, масть держу, так что ты не удивляйся, мимо меня здесь не проскочишь... — приговаривая так, Гуг Хлодрик распутывал узлы. Но он явно не спешил, ждал, пока старинный приятель немного поуспокоится. — Я когда по первому разу в психушку попал, Ваня, меня две недели в смирительной рубашке держали, так-то! Еле отошел, думал, кранты мне! А ты за четыре денька прочухался, тебе, Ваня, надо при жизни памятник ставить...

Иван все понял. Обижаться было на самом деле глупо.

— Ладно, помолчи немного, — пробурчал он почти дружелюбно.

— Во-о! Ну, ты молодец! — Гуг как-то сразу вдруг справился с неподдающимися узлами, веревки, опутывавшие тело Ивана, сползли вниз. — Ты только это, не дергайся. Ваня, не трепыхайся, надо, чтоб кровь по жилам разошлась. На-ко, вот лучше, глотни чуток! — Гуг ткнул флажкой под нос. Из ее отверстия несло сивухой.

— Убери! — сказал Иван и отвернулся.

Он чувствовал, как миллиарды иголок впились в руки, ноги, поясницу, во все тело. Но он умел терпеть, он знал, как надо бороться с болью. Расслабившись до предела, он не отходил от стены, так и стоял, привалившись к ней спиной, не шевелясь.

— Ну и молодцага, Ваня, — осклабился Гуг. — Теперь я вижу что ты и в самом деле пришел в ум! Хавать хочешь?

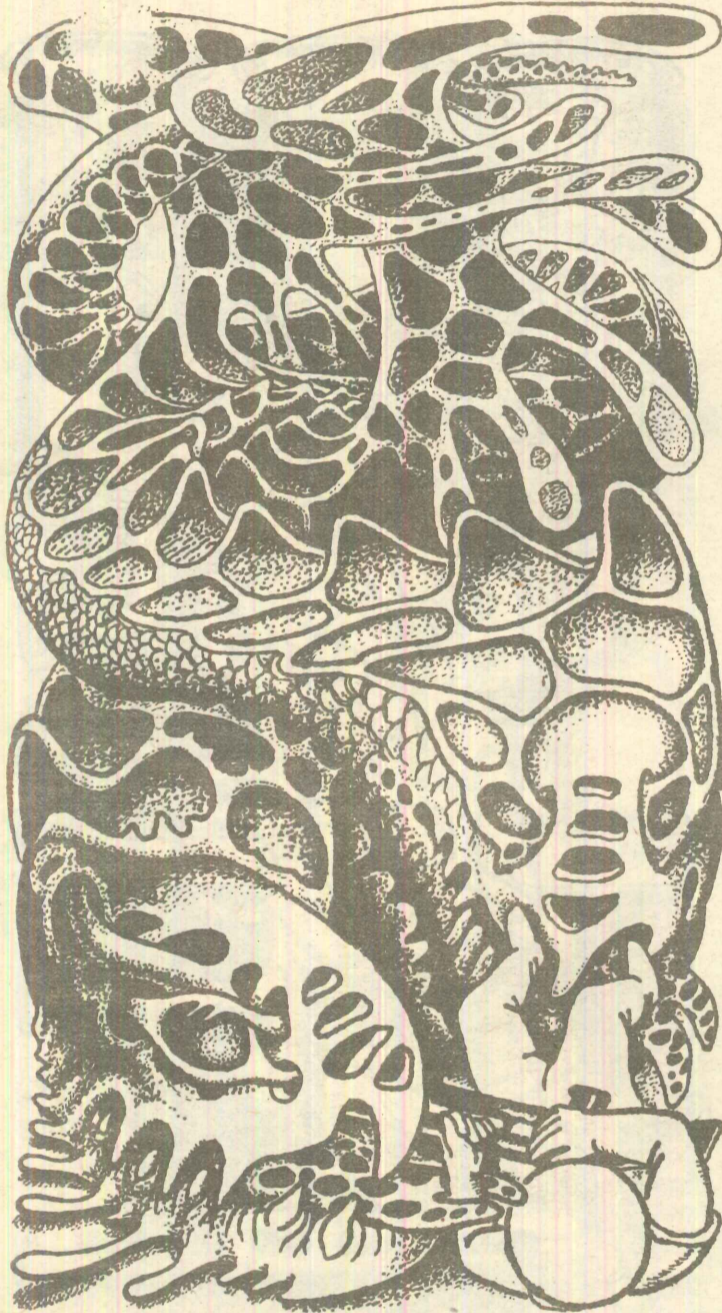
— Нет, — вяло ответил Иван. Есть ему почему-то совсем не хотелось.

— Ну и ништяк, — согласился Гуг, — помнишь, на Гиргее в пещерах, а? Два месяца без жратвы сидели у меня тогда, Ваня, ребра не то что к позвоночнику, а к затылку прилипли, и ведь высидели же! Без жратвы можно прожить, Ваня! А вот без моего элексира, без этого паршивого пойла, Ванюша, сложнее. Ты как хочешь, а я глотну малость.

Гуг вскинул флагу и в один прием опустошил ее, крякнул, откашлялся, потом бросил флагу под ноги и смял ее своим пудовым башмаком.

— Все, Ваня! Завязываю! — Гуг ухмыльнулся плутовато. — До сегодняшнего вечера. — Но тут же посерьезнел, насупил белесые жидкие брови. — А тебе не советую, не стоит и вечером развязывать, слишком это мне дорого, Ваня, обходится, ты же мне троих лучших парнишек искалечил, нехорошо это!

Иван опустился на корточки. Иголки перестали колоть его, но слабость в теле сохранялась. Ему почему-то подумалось, что вот уйдет он из Отряда, размякнет, через пару лет станет таким же как Гуг, и все ему будет до фени, на все будет плевать! Может, так и стоит сделать, ну их всех! Надо гнать лишнее из мозга, из памяти, мало ли чего и где случается, что ж всем беситься, рвать нервы?! Так они же не из титаноластика, их и вообще позагубить недолго... Нет, врешь, оборвал он сам себя, нервы у человека покрепче и погибче титаноластика, это уж точно, иначе бы и человечество на Земле давненько бы не осталось, все бы в истериках да психозах сошли с земной колеи! А что касается Гуга Хлодрика, так он его точно,

спас, вовремя он его окоротил, в самый раз, еще бы через недельку, глядишь, и опоздал бы.

Иван положил руку на плечо Гугу.

— Ты был прав! — сказал он коротко.

И они поняли друг друга.

Хлодрик предложил пройти в его, как он сказал, конуренку. Таковая оказалась совсем рядышком, шагах в трехстах. Они прошлепали это расстояние по замусоренному и залитому водой коридорчику, напоминавшему своей безотрадностью и неприглядностью ход подземных коммуникаций, и уперлись в железную дверь, на которой красовалось полустертое изображение черепа. Там Гуг и жил, за этой дверью.

— Я бы не советовал твоим парням попадаться мне на глаза, — предупредил Иван.

Гуг неопределенно хмыкнул.

— Я их давно отослал наверх, не волнуйся, мордобой больше не будет.

И они вошли внутрь.

Заставленная пустой посудой, какими-то невзрачными и потрепанными коробками комнатуха и впрямь заслуживала названия конуры. Потолки были высокими, но с них

свисал такой слой паутины, что казалось, будто над ней вообще нет никаких перекрытий, что она бесконечна. Окно в комнатушке не было. Зато стояла кровать с шарами-балдашниками и голой панцирной сеткой. Вот на эту кровать и плюхнулся со всемомаху Гуг Хлодрик. Сетка на все лады заскрипела, заскрежетала под ним.

— Хором я, Ванюша, не нажил, — признался Гуг, без особого сожаления. — Но ты не подумай, что я бедный человек, нет, у нас тут бывает ха-ароший клёв...

— Заткнись! — оборвал его Иван. — Я не желаю знать про твои делишки! Докатился, космолетчик!

— Ну, давай, давай, я с удовольствием послушаю воскресную проповедь.

— Обойдешься!

Ивана вдруг прорвало. Он выложил о себе всю правду, рассказал столько, сколько никому не рассказывал, слова вырывались из него будто лава из вулкана. И сдержаться он уже не мог.

Гуг сидел с полуоткрытым ртом и вытаращенными красными глазами. Впечатление

ся, высмеют, сочтут за блаженного. Куда ни сунься, везде труба, Гуг! Но не это главное, это все дело понятное, не привыкать. А вот память жжет, сил нету, хоть под психоскальпель ложись! Вот тогда, Гуг, я и стал понемногу прикладываться, а где немного, там и все остальное... Погулял я здорово, от Марселя до Кана, а потом залетел в эту дыру, черт бы ее побрал. Только время зря потерял. А мне бы сейчас набрать надежных ребят, пробить разрешение, хотя бы под видом свободного поиска в Пространстве, ну ты знаешь, да и махнуть туда! Иначе, Гуг, загнусь, не выдержу. Ты можешь меня считать неврастеником, бабой-истеричкой, но это не передать словами, это не под силу человеку!

Гуг замахал рукой, разинул рот, еще шире разинул.

— Ничего я не считаю, — проговорил он. Но ты забудь про свои замыслы, ни черта не выйдет! И ни один из нормальных парней с тобой не пойдет на это дело, можешь даже не пробовать уговаривать, тебя сочтут помешанным. Ваня, вот и все! Я сам думаю, что у тебя крыша поехала... Ладно, не трепыхайся, а чего думаю, то и думаю, крутить не собираюсь. А чем смогу, помогу! Только ведь нечем. Ежели баши нужны, сотен шесть-семь подкину... но это тебе на полбака. Можно, конечно, и побольше наскрести, на разгон всегда можно наскрести, а как обратно выбирать будешь? Не-е, коли тебя в Космофлоте не поддержат, и рыпаться не стоит! Или к частникам на поклон иди!

— А что я им предложу? — спросил Иван.

— В том-то и дело, что предложить нечего.

Ни один из частников благотворительностью в космических масштабах заниматься не станет, Ваня. Но гляди, старина, пока ты будешь по миру побираться, крохи выпрашивать, тебя точняк засекут, может, ты уже под колпаком.

— Все может быть, — понуро согласился Иван. И поглядел на груды бутылок, валявшихся в углу.

В это время из-за двери послышались торопливые тяжелые шаги, сама она почти сразу распахнулась, на пороге застыли две фигуры в зеленоватой форме и касках, блеснули стволы автоматов-парализаторов.

— Легки на помине, сучары! — тоскливо пробурчал Гуг Хлодрик, но не пошевелился.

Иван смотрел на служащих Европола и не мог понять, что их сюда привело. Гуг? Его шайка? Иван не знал, что надо делать, и потому не делал ничего.

— Ты сиди на месте, — холодно сказал тот, что стоял слева, указывая стволом на Хлодрика, — а русский пойдет с нами.

Иван привстал.

— И попрошу соблюдать спокойствие, это в ваших же интересах.

— В наших интересах, — с ленцой процедил Гуг, упирав руки в колени, — совсем другое, дорогие легашки!

— И что же именно? — с ухмылкой поинтересовался стоявший справа.

— А то, чтобы гости, навещающие нас, были немного по-вежливее, понял? Если не понял, могу разъяснить, сучий потрох!

Иван не видел, как ампула вылетела из дула. Но он видел, как она ударила в грудь Гугу Хлодрику и разлетелась на мелкие осколки. И он понял — у Гуга под курткой был надет панцирь. Все дальнейшее произошло мгновенно: Хлодрик вскочил на ноги, будто был не восьмипудовым верзилкой, а пушилкой, взметнувшейся под струей воздуха. Европоловцы рухнули на грязный заплыванный пол, уткнувшись в него лицами. Гуг выскочил за дверь и через минуту, после непродолжительной возни, вскриков, сопеня и скрежета зубов, втащил в комнатушку еще двоих парней в зеленоватой форменке. Он их держал за воротники. И как те ни упирались, вырваться им не удавалось.

— Еще трое валяются там, у входа, — доложил Хлодрик Ивану извиняющимся тоном.

— Нехорошо все это, — высказался Иван. Ему совсем не нравилось происходящее. И он никак не мог понять, зачем он европоловцам? Может, он успел натворить чего-нибудь такого, за что надлежит отвечать по местным законам. Все может быть, разве упомянешь! Только ему не хотелось попадать в клетку, какая бы причина на то ни была.

— Еще бы! Конечно, нехорошо! — согласился Гуг. — Но мы сейчас сделаем так, что все будет хорошо!

Он заорал на вырывающихся парней так, как не орал в свое время на звероноидов Гадры, медленно отжиравших у него левую ногу. Эти гнусные твари тогда именно отжирали его конечности, не отрывали, не

отъедали, не отгрызали; они привязали самого Гуга к железному крюку, вбитому в стену пещеры, и не торопясь, со вкусом и явным удовольствием, чавкая и обливаясь слюной, жрали ногу у живого и дико орущего Гуга Хлодрика. Иван поспел вовремя. Но тогда Гуг не орал так дико.

— Я вас, твари, гниды паршивые, наполам поразрываю, ежели вы через две минуты не вытащите всю эту пададь наверх, чтоб она не воняла в хоромах благородного Гуга-Игунфельда Хлодрика Буйного! Поняли, суки?! В моей старой и дырявой шкуре сидят сорок поколений свирепейших викингов, и я от их имени и поручению размажу ваши вонючие мозги по стенам! А ну, брысь!!!

Он притопнул ногой. И выпустил парней. Не прошло и минуты, как в конуренке стало тихо и покойно, никто не стоял в ней из непрошенных гостей, никто не лежал на полу. Иван выглянул наружу — лишь валяющаяся у стены каска с зеленоватым отливом да отпечаток кровавой пятерни почти под самым потолком напомнили о случившемся.

Он вернулся в комнату. Поглядел на тяжело дышащего Гуга исподлобья, неодобрительно.

— И все-таки, дружище, тебя не зря вышвырнули из Космофлота, ты и впрямь Буйный. Зачем тебе лишние неприятности? Может, дело шло о шрафе за погром в кабаке одноглазого Сайруса или еще о каких-нибудь таких мелочах! А ты кулаками махать начинаешь, викинг хренов!

Гуг не обиделся, не рассердился. Он снова плюхнулся на скрипящую кровать, откинулся к стене. И сказал:

— Не-е, старина, у тебя точно разжижение мозгов! Вспомни-ка, о чем ты тут рассуждал только что, а?

— О чем? — не понял Иван.

— Балбесина, пока ты думаешь, что за тобой могут установить слежку, тебя уже взяли под колпак, дошло?! — Ты уверен?

— Еще бы! — лицо Гуга было совершенно непроницаемо и серьезно. — А за скандал и потасовку в кабаке Сайруса, да и иных местах, о которых ты изволил забыть, я заплатил столько, что ребятам придется изрядно попытеть мясчишко-другой, прежде чем мы восстановим нажитое... Не думай, что твои пьяные истерики были бесплатным развлечением! Тебе надо мотать отсюда, понял! За океаном сейчас совсем хреново, не скроешься от легавых. А в России, я думаю, тебя не сразу сцапают. Вали домой, Ваня! Никто тебе здесь не поможет. Но одну штуковину я тебе дам, глядишь, пригодит-ся!

Иван усталился на Гуга иронически, скривил губы.

— Это какую же? — спросил он с явным сарказмом. — Фомку? Кастет? Отмычку?

Чего ты мне можешь дать сейчас, Гуг Хлодрик Буйный, предводитель шайки грабителей и алкашей?! Чего у тебя есть за душой и вне ее — канистра виски? Или, может быть, ржавый парализатор? Мне в вашей всемогущей конторе ни черта не смогли предложить, кроме любительской капсулы, понял! А остальное мне и задаром не нужно!

Гуг поднял руку.

— Не спеши, Ванюша, отказаться всегда успеешь. Я не знаю, как ты доберешься до того проклятого места, до этой окраины Метагалактики, это все твоё дело... но ежели ты доберешься до нее, ежели ты решишь потолковать с местной братией, которая угробила твоих родичей, то тебе эта штуковина ох как пригодится... Да и все равно продать ее некому! Бери, Ваня!

Пора было собираться, уходить отсюда. Иван знал, что европоловцы вернутся с подкреплением и зададут им жару. Но апатия держала его в своих тисках. Он не мог встать, решиться на что-то.

— Вот, гляди! — Гуг долго ковырялся в стене за кроватью, наконец вытащил что-то неопределенное, завернутое в тряпицу. Вид у него был весьма самодовольный. — Мы тут год назад подломили парочку сейфов в одном пришевартованном суде. Дело было мокрое, пятерых охранничков пришлось в воду сунуть с камешками, но, Ваня, они сами виноваты, зашебурились не ко времени, задержались... А суденышко-то оказалось лабораторией засекреченной, усек? Я как допер, так чуть не сверзился от беспокойства, но поздно было — тут или пан, или кичман! Я грешным делом подумал, ридориумом удастся разжиться, Ваня! Это ж раз в жизни! Грамм — и гуляй до могилы со всей оравой, еще и останется столько же!

— Раньше ты был другим, — вставил Иван. — Я жалею, что не удержал тебя в Отряде, очень жалею!

— Поздно, Ваня, поздно, жизнь не переделаешь! Да и все относительно, старина. Ты меня жалеешь, а я вот сейчас тебя жалею, не дай Бог, Ваня, на твоём месте быть, не дай Бог! Но слушай! Какой там к черту ридориум — пустые сейфы за семью бронированными дверями, а в одном — вот это яйцо! Гляди-ка, может, слышал чего про такие!

Он развернул тряпицу, и в огромной мясистой ладони оказалось обычное яйцо, чуть больше куриного, но цветом такое же, покрытое какими-то пятнышками, а может, и просто засиженное мухами. Иван понял, это самый обычный дурацкий розыгрыш.

— Не-е, ты носа-то не вороти, дурачина! — Гуг явно занервничал. — Из-за этой штуковины вместе с нашими восемь душ отлетело к небесам, а ты нос воротишь. Ну скажи, вам там самую последнюю технику дают, самые новейшие всякие хреновины...

— Тебе тоже давали в свое время, — вставил Иван.

подумал, что старый приятель свихнулся от пьянства, от всего этого дичайшего и непотребного образа жизни, и он хотел толкнуть его рукой в плечо, чтобы очнулся от бреда, пришел в себя... Но рука его застыла в воздухе. То, что Иван увидал, было ни на что не похоже, если только на галлюцинацию. Лицо Гуга, да и его фигура, начали на глазах меняться: щеки втягивались, бледнели, плечи сужались, живот пропал, а одежда начала обвисать складками несмотря на панцирь, скрываемый под нею, нос из набрякшего и непомерного превращался в тонкий, правильной формы, борода, вся до волоска, исчезла, оставив на своем месте недельную щетину...

Иван машинально провел ладонью по подбородку, щекам — он тоже не брился давненько, щетина торчала наждаком. Но не это озадачивало его. Гуг становился похожим на кого-то очень знакомого, он не просто утрачивал свой обычный облик, он превращался в кого-то. Но в кого?! Ивану показалось, что он сходит с ума! Перед ним сидел его собственный двойник, не надо

рый, нужна тебе эта хреновина или нет?!

Иван замаялся. Он думал о множестве вещей и не мог сразу найти нужного. И все-таки спросил:

— Сколько времени она действует вот так?

— Столько, сколько надо тебе!

— А обратно?

Иван-двойник оторвал яйцо от шеи, сунул его тупым концом в рот, надул щеки и почти сразу же превратился в обрюзгшего и краснорожего Гуга Хлодрика.

— Во как! — заявил Гуг надменно, оттопырив губу.

Но Иван не мог верить в чудо, случившееся у него на глазах.

— Слушай, Хлодрик, а может, это гипнолотатор, — предположил он, — может, ничего на самом деле не меняется, просто нам начинают видаться всякие вещи...

Гуг сплюнул под ноги, почесал за ухом.

— Все проверенно, не будь занудой, Ваня. Держи!

Он сунул яйцо в руку Ивану.

— Только зря не экспериментируй с ним, не стоит. Штуковина непонятная, может, в ней еще чего есть, откуда нам знать. Вон Лысый, ну ты его должен знать, тот, что тебя брал, доэкспериментировался — час походам бегаёт, на четырех лапках и с длинным голым хвостом!

— Врешь!

— Ей-Богу, Ваня! Эта хреновина, видать, настраивается на самый биоактивный, объект в радиусе своего действия. Ну этот дурашлеп позавчера и доигрался — поймал крысу, здесь их полно, сам видал, приставил к горлышку яичко, и поминай как звали — только хвостиком вильнул, Ваня! Где его теперь отлавливать, а? Может, сам возвратится? Хорошо еще, что я подобрал... Так что ты не дури, не надо!

Ивану вдруг показалось, что все это продолжение алкогольного бреда, белой горячки. Но рука его сжимала вполне материальное и даже какое-то живое на ощупь яйцеобразное тело неизвестного происхождения. И от этой реальности деваться было некуда. Он обтер яйцо о штанину, сунул в боковой карман комбинезона.

— Но должны же быть какие-то инструкции? — предположил он, поглаживая колючий подбородок.

— Ванюша, у тебя нулевой допуск, а ты болтаешь о такой ерунде! Ну где ты видал, чтобы засекреченные штуки хранили вместе с инструкциями, чертежами, техдокументацией, ты наивный человек, Ваня. Если и были какие инструкции, так на другом суденышке за семью замками, а то и вообще у черта на рогах! Давай-ка, собирайся, пора уматывать, теперь я чую недоброе, меня чутье не подводит!

Он привстал, подтянул штаны. Подошел к двери, снял с пояса связку огромных ключей — этой связкой можно было проломить череп слону — и долго возился с замками. Потом со скрежетом и лягзом задвинул три гигантских засова, опустил сверху металлический занавес и, видно, для пущей надежности придвинул вплотную к двери непомерный стальной сейф, сработанный еще лет пятьсот назад. После этого выдохнул тяжело, но удовлетворенно:

— Порядок!

— Ты чего, танковой атаки ждешь? — поинтересовался Иван.

— Это мы поглядим, неопределенно ответил Гуг.

— А как же сами выбираться будем?

— Не волнуйся, Ваня! — Гуг Хлодрик повел глазами куда-то ввысь, за паутину. — Выберемся.

Он прильнул к стене ухом. Лицо приняло настороженное выражение.

— Что там?

— Идут, сучары! Я все точно рассчитал. Но ты, Ваня, не робей! Гуга-Игунфельда Хлодрика Буйного голыми руками не возьмешь! Гляди!

Он подошел к противоположной стене, подогнул колени, напрягся и подскочил метра на три вверх, вцепился обеими руками во что-то невидимое, подтянулся... послышался треск, что-то загремело, заскрипело. И Гуг многопудовым мешком свалился вниз, на пол. Он сидел весь в обрывках паутины и с недоумением разглядывал чугунную старинную решетку, которую держал в руках. На концах этой решетки болтались куски цемента, кирпичей.

— Во-о! Оторвалась, падла! — произнес Гуг, будто еще сомневаясь в случившемся. Но тут же отбросил решетку в угол комнаты.

В дверь застучали.

— Да ладно, я же не спорю! И не горюю, Ваня! Но ты скажи, такие хреновины давали?

— Нет!

— То-то!

— Не тяни, мне пора уходить отсюда.

Гуг Хлодрик рассмеялся ему прямо в лицо.

— На, Ваня, держи! С этой штукой ты уйдешь от кого угодно, даже от самого дьявола! И помни, какие у тебя друзья, а коли вернешься... — в глазах у Гуга появилась грусть, он судя по всему, не верил, что Ивану доведется вернуться. Но он старался, чтобы это неверие не выплескивалось наружу. — А коли вернешься, отдашь. Я с тебя за нее строго спрошу, понял?!

— Понял! Оставь себе!

Иван собрался встать. Но Хлодрик остановил его, усадил напротив. Задыхал тяжело, взволнованно, будто должно было произойти нечто необычное.

— Гляди!

Гуг прижал яйцо острым концом к шее, прямо под сивой бородицей, надавил. Поначалу ничего не изменилось, и Иван поневоле

было зеркала! Только теперь Иван сообразил, что к чему, но верить, что это происходит на яву, не мог, не верилось! Да и не могло быть такого!

— А ты ущипни себя! — проговорил вдруг тот, кто был прежде Гугом Хлодриком. — Ущипни за ляжку! А хочешь, за нос! Глядишь, и проснешься.

Иван словно загипнотизированный последовал дурацкому совету. Но щипки не помогли — он чувствовал боль и не проснулся.

— Что скажешь?

Иван тысячи раз слышал собственный голос в записях. И теперь он готов был спорить на что угодно, что прозвучал именно его голос, это не могло быть ошибкой, в этом во всем была какая-то закономерность.

— Гуг, это ты? — спросил он, глуповато улыбаясь.

— А кто же еще, конечно, я — Гуг Хлодрик! — ответил сидящий напротив Ивановым голосом. — Ты только чувств не лишись, ладно? А то стал чувствительным больно, как барышня! Ну, Ваня, отвечай, пока я доб-

Гуг попробовал встать. Лицо его искажилось гримасой боли, он ухватился обеими руками за левую ногу, застонал.

Иван сразу понял, в чем дело. После того, как зверюшки отожрали Гугу половину голени и всю ступню, ему пришлось лечь на биорегенерацию в Центре. Но живой протез получился неважным, он то и дело подводил хозяина. Видно, что-то подобное произошло и теперь.

Иван подхватил Гуга под мышки, приподнял.

— Ничего, я тебя подсажу, выберемся Гуг, лишь бы ход был!

— Ход есть, Ваня, но я не полезу, ну его на хрен! Надоело бегать!

В дверь принялись колотить прикладами. Потом как-то сразу все стихло. И послышался приглушенный голос:

— Именем закона требую открыть дверь!

— Ага, щас, разбежался, — прокомментировал требование Гуг. И повернул голову к Ивану: — Там все просто, по лесенке наверх — шесть ярусов, потом по туннелю до упора, и в тридцать восьмую дверцу по левой стороне! Гляди, не сбейся! Ни одна собака тебя не отыщет в этих лабиринтах, будь спокоен!

— Мы подойдем вместе! — твердо заявил Иван.

Гуг рассмеялся своим прерывистым кашлем-смехом, утер выступившие слезы.

— Ванюша, вместе мы сможем пойти только на кичу, понял?! А тебе надо еще кое с кем расквитаться, об этом тоже не забывай! Что касается старого буйного викинга, так за него, Ваня, не переживай, не родился еще на Земле-матушке тот, кто покорителя Гадры за хобот возьмет!

В дверь опять забарабанили. Голос стал громче.

— Эй, Гуг Хлодрик, отпирай! Ты арестован! На этот раз ты крепко влип, Буйный!

— Щас ты у меня влипнешь, дерьмо вонючее! — отозвался Гуг. — Ты как смеешь так говорить со мной, щенок! Ну, давай, высаживай дверцу, я тебя жду со всей твоей кодрой!

Ивана передернуло.

— Гуг, зря ты их поливаешь, — сказал он, — у них же такая служба!

— Ваня, мы разберемся, мы старинные знакомые. Ты иди! Нет, стой! Я тебя напоследок спросить хочу, а как ко всей этой истории с твоим мщением относится твоя же ненаглядная, сто лет не видал твоего Светика, неужто она тебя благословит на подвиги, что-то не верится мне в это. Ну да все равно, ты ей от меня самый горячий братский поцелуй передавай, ладушки?!

У Ивана внутри все перевернулось, сердце трепыхнулось, застучало сильнее, будто в его раскрытую рану плеснули раскаленным маслом. Но он сдержался, он понял, что Хлодрик просто-напросто ни о чем не знал, что он оторвался от мира со своей воровской бандой, что он, видно, не смотрел визора, не читал газет, а потому и злиться на него не стоит.

— Ее давно нет, — проговорил совсем тихо.

— Где нет? — удивился Гуг.

— Нигде нет, старина! Она погибла четыре года назад, там в Пространстве, на выходе из Освего измерения ее капсулу разнесло в пыль! Так-то, Гуг. Светы давно нет, мне не у кого отпрашиваться.

— Извини! — буркнул Хлодрик себе под нос.

В дверь перестали стучать, и она вдруг завибрировала, дрожала мелко-мелко. Иван поглядел на Гуга, дело принимало нешуточный оборот.

— Ты пойдешь со мной!

Он обхватил Хлодрика за плечи, оторвал от кровати, подпихнул к стене, вцепился обеими руками в пояс, напрягся и подкинул тело к дыре. В глазах потемнело, колени задрожали. Но на этот раз Гуг не свалился вниз, видно, уцепился за что-то. Сверху послышались совершенно непередаваемые ругательства и отборный старинный мат.

Дверь ходуном ходила. Это было заметно даже сквозь железные ставни. Наконец в ее центре появилось темное пятнышко.

Пятнышко все время меняло форму, расширялось, пока его не прорвало и в образовавшуюся дыру не пробилось синее холодное на вид пламя. Европоловцы прожигали дверь плазменным резаком, каким-то образом, а может, и совсем не случайно, им удалось обогнуть массивный стальной сейф, заслонивший ее снизу до половины. Дыра увеличивалась на глазах. Больше riskовать не стоило.

И Иван прыгнул вверх, еще не зная толком, что его там ожидает. Пригодилась подготовка, полученная в Школе, пригодилась, несмотря на все, что было с ним в последние дни, несмотря на беспробудную двухнедельную пьянку, на четыре голодные дня в связанном состоянии, на затекшие мышцы. Все-таки он был космолетчиком эстра-класса. И он вновь доказал это!

Гуг подхватил его, вцепился мертвой хваткой в кисть, втащил в какую-то темную дыру. И все же Иван успел оглянуться, свесить голову вниз. Он увидал, как в конуру Гуга Хлодрика ворвались четверо европоловцев с пулеметами в руках, замечались по ней... но стрелять им было не в кого!

— Ну и как я полезу по лестнице? — просипел в ухо невидимый в темноте Гуг.

— Вспомни, как ты лазил на Гадре! — отрезал Иван.

— Ага, на руках можно проползти вверх сотню метров, а здесь шесть ярусов, обалдуй! Это же больше километра!

— Не черта было забираться в такую глубину!

— Ваня, ты всегда ходил поверху, ты не знаешь, как охотятся за нашим братом, понял?! Не надо учить старого честного разбойника, где ему прятаться от властей, поползли уж лучше!

— Вот это дело! — прошептал Иван.

Он ощупал рукой карман — на месте ли яйцо. Оно было там, где и полагалось ему быть. Иван вцепился рукой в железную скобу, подтянулся, перехватился. Потом прыгнул вниз.

— Ты ползай первым, — сказал он Хлодрику. — В случае чего, я подсоблю. Но пока силы есть, чтоб сам лез! Нечего ныть и надеяться на нянек!

— Ладь, на ярусах будем отдыхать по-немногу!

Гуг, сопя, ругаясь, обливаясь потом, полез вверх, помогая себе единственной здоровой ногой. Иван еле успевал за ним. Снизу начали стрелять в лаз. Пули крутились волчками у входа в трубу, визжали, рикошетили, выбивали отчаянную психопатическую дробь, но до беглецов не долетали.

— Ща, Ваня, погоди, — просипел вдруг сверху Гуг, — пригнись маленько, старина, прижмишься к скобам!

Иван начал привыкать к темноте. Он разглядел, как Хлодрик вытащил что-то из кармана, покрутил в руке и очень аккуратно, выверенным движением, бросил вниз.

— Ловите подарочек, гниды! — сказал он беззлобно. И зашелся в кашле-смехе.

Внизу здорово громыхнуло. Взрывная волна докатилась и до Ивана, шибанула в ступни, заставила вздрогнуть.

— Зря ты все это делаешь, Гуг! Сам ты дурак порядочный! — разозлился он.

— А ты не заступайся за этих ребятишек, Ваня! Они не ангелы! И не стражи порядка и законности! Ежели бы ты знал, как они повязаны с евромафией, чего они вытворяют тут, ты бы помалкивал, Ваня! Вот ты меня честил на чем свет стоит Божий, а ведь я, Ваня, ягненок невинный по сравнению с ними, чего же ты меня обижаешь...

— Ладно, потом разберемся. Шуруй давай, не задерживайся, ангел!

Через полтора часа еле живые, обессиленные, вымотанные на нет, они вылезли в предповерхностный туннель. Последние триста метров Иван тащил Хлодрика на себе. Тот, конечно, помогал ему изо всех сил, цеплялся за скобы, отпихивался ногой, но помощь была слабоватой.

— Все, чтоб им пусто было! — выдохнул Гуг.

И они повалились на пол, покрытый толстым слоем ржавчины, пыли и какой-то вонючей драни. Снизу никаких звуков не доносилось, по всей видимости, их решили вылавливать другим способом, перекрывая ходы, а может, про них уже забыли...нет, этого быть не могло, Иван не стал утешать себя простодушной мыслью. Расслабляться не следовало.

— Пошли — сказал он, вставая на колени.

— Ща, еще чуток полежим... Или нет, ты сбегай пока на разведку, коли шустрый такой, а я передохну. Тридцать восьмая дверь по левой стороне!

— Да помню! — отрезал Иван.

Он быстро нашел нужную дверь. Потянул ручку на себя. Но оказалось, что дверь открывается вовнутрь. Он пихнул ее и оказался в довольно-таки вместительном помещении с низким сводчатым потолком. Посреди помещения стоял длинный стол, заставленный бутылками, стаканами, рюмками, фуже-

рами, тарелками и тарелочками с остатками самой разнообразной снеди... Похоже, здесь совсем недавно отчаянно пировала веселая и многочисленная компания. Пол был также завален объедками, осколками, окурками, тут же стояли и лежали перевернутые стулья, кресла.

Но больше всего поразила Ивана огромная облезлая крыса, сидевшая на самом краю стола и пристально следившая своими умными колочими глазами за каждым движением. Иван махнул рукой на крысу. Но та не испугалась. Тогда он подошел ближе, Поднял с пола бутылку из-под виски и швырнул ею в крысу. Бутылка не попала в цель, крыса с легкостью увернулась.

Иван вдруг вспомнил про яйцо, вытащил его. Заметил, что крыса подалась вперед, задрожала. Он подошел еще ближе, вытянул руку с яйцом. Крыса недоверчиво, но как-то бесшабашно и слепо, будто ее тянуло магнитом, поползла к яйцу, ткнулась в его тупой конец усатой дрожавшей мордой, замерла.

Иван сжал яйцо рукой. И произошло то, на что он был уже настроен, чего ждал неволью — крыса пропала, словно ее и не было. На краю стола, свесив толстые крепкие ноги с совершенно обалделой рожей сидел стриженный здоровяк с бычьей шеей, тот самый. В глазах его стоял такой восторг, будто он только что вопреки всем законам природы и Божественному Промыслу воскрес из мертвых.

Иван подошел вплотную. Спрятал яйцо в карман, предварительно обтерев его платком. Платок выбросил. А потом коротко и сильно ударил стриженного в челюсть. Тот упал со стола, застыл в нелепой позе посреди кучи объедков и битого стекла. Иван взял наполовину пустую бутылку шампанского, полил стриженного сверху. Тот продрал глаза, потер ладонью челюсть.

— Это я тебе должок вернул, не обижайся!

— Чего об такой ерунде говорить, — отозвался снизу стриженный, — это я тебе теперь должен по гроб!

В эту минуту в комнату на трех конечностях, пыхтя и сопя, вполз багроволицый негеперо толстый Гуг Хлодрик.

— О-о-о, кого я вижу! — заорал он с порога. — Лысый, пахла! Как ты себя чувствуешь, крысеных поганый?!

Стриженный здоровяк подбежал к Гугу, помог ему подняться, усадил в кресло. Чувствовалось, что он уважает „пахана“.

Иван встрепенулся.

— Слушай, а вправду, как ты себя ощущал в этой шкуре, а? — спросил он с заметным интересом.

— Нормально, — ответил Лысый, — все путем, даже лучше как-то, вроде бы и шустрее, и сильнее, и нервишки не так шалят.

— Да нет, я не о том, — оборвал его Иван, — кем ты себя чувствовал: человеком или крысой?

Лысый обиделся, надулся.

— Чего ты, издеваться надумал? Скажешь еще — крысой! Не, ты, мужик, меня не задевай, я нервный!

Дальнейших объяснений Ивану не требовалось. В нем вдруг разыгрался бешенный аппетит. Он присел к столу и набросился на объедки, выбирал нетронутые, посвежее. Запивал только шипучкой, которая давным-давно выдохлась, к спиртному не притрагивался. Гуг поглядывал на жулика Ивана с ехидцей, перемигивался с Лысым — им, наверное, было что вспомнить.

Едва он немного насытился, как раздался ляг. Какие-то скрытые верхние люки одновременно распахнулись. И в комнату, будто военный десант с небес, прыгнули одновременно человек тридцать в одинаковых зеленоватых форменках и касках.

Лысого, попытавшегося приподняться над стулом, срезали очередь из пулемета без предупреждения. Он упал с удивленно вытаращенными глазами, наверное, так и не разобравшись перед смертью, что же случилось.

Гуг Хлодрик сидел спокойно, не дергался. Но на него тут же набросили мелкоячеистую пластиковую сеть — набросили в три или четыре слоя, Иван не успел сосчитать. Прямо в лицо ему смотрело черное холодное отверстие ствола пулемета.

Высокий усатый человек с золотой посверкивающей фиксой во рту и темными очками, скрывающими глаза, подошел совсем близко, отвел рукой ствол пулемета. И произнес официальным напыщенным тоном:

— Вам предлагается в течение полутора часов покинуть территорию Объединенной Европы. Предупреждаю, неисполнение требования поставит вас вне закона, а тогда... —

он развел руками. — Тогда мы вам ничем не сможем помочь!

Гуг Хлодрик зашевелился под слоем сетей.

— Иван, — сказал он мягко, но уверенно. — Я тоже думаю, тебе надо проваливать отсюда, не спорь с ними! Уматывай в Россию, пока цел!

— А ты? — спросил Иван.

— С ним особые счета, — ответил за Гуга усатый, — не волнуйтесь, мы никого не обидим.

— Это точно, Ваня, они меня не обидят, им на Гадре очень кстати опытные работнички, что делать, Ваня, надо ведь и кому-то выдавать на гора руду с ридоритом, верно?

— Не буду спорить, — согласился усатый. — Работники нужны и на Гадре, и на Сельме, и на Гиргее... Скажи спасибо, Хлодрик, что смертная казнь отменена, что тебе еще будет позволено та-скакать твое жирное брюхо на твоих протезах.

Гуг засопел, заерзал.

— Мы с тобой, легавая гадина, еще обсудим эти вопросы, — процедил он отдельно и зло, — при первой же встрече тет-а-тет, ты уж не сумлевайся любезный мой!

— Ладно, хватит болтать! Не позорься при посторонних!

— Это вы для него посторонние, легаш!

Усатый повернулся к Ивану.

— В вашем распоряжении остается один час и двадцать четыре минуты. Я вам советую долго не раздумывать, до границы лету тридцать одна минута, да пока доберетесь до стоянки... Поспешите!

Иван виновато поглядел на Гуга Хлодрика, опутанного словно он дикий зверь, будто он беснующийся птицекальмар с Гиргеи. Бросать старого друга в таком положении не хотелось.

— Или ты хочешь со мною, на рудники? — спросил Гуг.

Нет, у Ивана были совсем иные планы. Он не мог распоряжаться собою, как ему вздумается. Он был обязан выполнить свой долг.

— Давай, Ваня, возвращайся к себе. И прощай, может, не свидимся боле!

— Прощай, Гуг! — еле слышно ответил Иван. Он чувствовал, как яйцо-превращатель в кармане давит прямо на печень. Он удивился, что его не обыскивают и вообще не трогают. Но он знал, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят. — Прощай!

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУПЕРКОНКУРС

МЕТАГАЛАКТИКА

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА**

Общесоюзный литературно-художественный журнал «ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ФАНТАСТИКА»,

космогазета «ГОЛОС ВСЕЛЕННОЙ», всероссийская газета «ПФ — ИЗМЕРЕНИЕ»

объявляют всемирный суперконкурс гениев фантазии

Супер-Гран-При!

Пять Больших Призов! Сорок Основных! Сто Поощрительных!

Суперконкурс объявлен в 140 странах мира!

МЕТАГАЛАКТИКА —

ЭТО СОЗВЕЗДИЕ ГАЛАКТИК!

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ГАЛАКТИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

В этом разделе проводится конкурс на лучший фантастический роман, повесть, рассказ о межзвездных приключениях и вселенских битвах с инопланетными цивилизациями. В Ужасающей Черноте Космоса не может быть никаких Великих Колец Братства — поэтические грезы писателей романтической поры советской фантастики остаются светлыми, неосуществимыми мечтами, как и сопутствовавшие их творениям грезы о „светлом коммунистическом будущем“. Вражда захлестнула Землю, народы-братья люто бьются друг с другом — дети матери-планеты! А что же там, в кошмарных безднах Мироздания?! Какие испытания ждут Землю и земных космодесантников на „пыльных тропинках далеких планет“?! Теперь мало у кого возникнут сомнения в том, что Пустоту Пространства населяют не бестелесные ангелы, а чуждые страшные существа, несущие гибель

на стабилизаторах космocreйсеров. Мы должны увидеть собственными глазами эти жуткие миры, мы должны погрузиться в них, превратившись в героев романов и повестей, мы должны вместе с отважными землянами пройти звездными дорогами!

Научно-производственная „советская“ (не путать с подлинной русской!) фантастика к рассмотрению не принимается. Только остро сюжетная! только „крутая“! умная! интересная! захватывающая! Звездные войны! путешествия в иные измерения! схватки с негуманоидами Вселенной! Криминальные космодетективы! Увлекательное действие! Образный язык! Высочайший профессионализм!

ГАЛАКТИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ — это звездные боевики!

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ГАЛАКТИКА УЖАСА

Конкурс на лучший „роман ужасов“. Принимаются также повести, рассказы, очерки, статьи, фото, кино, видео и изо-работы соответствующей тематики. Полная раскрепощенность! Взлет фантазии! От Ваших работ должна леденеть кровь в жилах! волосы должны вставать дыбом! Мы никогда не сможем уничтожить, побороть Зло во Вселенной и на Земле, если не будем представлять четко и ясно, как оно выглядит. Долой оковы социалистического физиологизма и перестроечной „чернухи“! Вперед — на просторы других измерений!

Преисподняя, Земля, Вселенная и внепространственные сферы заселены сонмами чудовищных монстров, колдунов, ведьм, вурдалаков-оборотней и вампиров-упырей. Тончайшая оболочка земного геополя-психоноосферы и незримая поддержка Высочайшего Духа Мироздания спасают нас от мгновенной гибели под напором злобных

сил. Мрак Космоса таит в себе беспредельный Вселенский Ужас. Бессильны потуги ученых, шаманящих вокруг синхрофазотронов и прочей материальной мишуры! Ничтожна возня политиков и политиканов! Лишь мысленный взор провидца способен проникнуть в адские бездны и высветить их! Лишь писатель-экстрапсихосенсор высочайшего класса, наделенный даром телепатической биомнемосвязи с потусторонними мирами, может поведать о них читателю!

Пора вынимать из тайников запрещенные рукописи, картины, графику, фотографии! В конкурсе разрешается принимать участие посланцам иных миров (сохранение тайны полностью гарантировано). Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском, португальском, итальянском языках.

ГАЛАКТИКА УЖАСА — только для сильных и смелых!

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ФОТОГАЛАКТИКА

Этот объемный и многораздельный конкурс художественной фотографии и изофотографии проводится с целью создания зримого мира фантастических образов – мы должны не просто представлять, но и видеть обитателей Вселенной, иных измерений и inferнального мира!

ФОТОГАЛАКТИКА – это букет сияющих СОЗВЕЗДИЙ!

СОЗВЕЗДИЕ ПЕРВОЕ: „КОРОЛЕВА МЕТАГАЛАКТИКИ“ – всепланетный женский фотоконкурс, проводимый под фейерверком девизов. Каждая фотомодель, каждый фотомастер могут выбрать для себя свой или же принять участие в нескольких конкурсах под девизами: „БЕЛАЯ КОРОЛЕВА“, „ЧЕРНАЯ ВЛАДЫЧИЦА“, „ПРИНЦЕССА СИРИУСА“, „АНГЕЛ МИРОЗДАНИЯ“, „ЖРИЦА ВЕНЕРЫ“, „МАРСИАНСКАЯ МАДОННА“, „ОБОЛЬСТИТЕЛЬНАЯ БЕСТИЯ“, „ПОКОРИТЕЛЬНИЦА ВСЕЛЕННОЙ“. Возможны и иные девизы – творите! Групповые фото и изорботы принимаются под девизами: „В САДАХ НАСЛАЖДЕНИЙ“, „ЗВЕЗДНЫЙ ШАБАШ“, „ГАРЕМ ВЛАДЫКИ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА“, „ВСЕЛЕНСКАЯ ОРГИЯ“, „В ГОСТЯХ У ЗВЕЗДНОГО КАЛЛИГУЛЫ“, „САТАНИНСКОЕ ДЕЙСТВО“, „ПУЧИНА СЛАДОСТРАСТИЯ“.

Впервые в мире в женском фотоконкурсе снимаются все ограничения! Участвовать в борьбе и взойти на пьедестал успеха может любая женщина, любая девушка, любой фотомастер! Нет некрасивых женщин! Самый непривычный и неприглядный земной образ может обернуться чарующей космической загадкой и фантастической неземной красотой! В ФОТОГАЛАКТИКЕ есть место для всех! И потому следующие девизы: „ФУРИИ ВСЕЛЕННОЙ“, „ВЕДЬМЫ ЮПИТЕРА“, „НАЛОЖНИЦЫ САТАНЫ“, „ЗВЕЗДНАЯ АМАЗОНКА“, „КОЛДУНЯ ПЛУТОНА“, „ЦАРИЦА АДА“, „ПОДРУГА ВАМПИРА“, „ЛЮБОВНИЦА НЕГУМАНОИДА“, „КОРОЛЕВА ПОДЗЕМНОГО БАЛА“, „ВОССТАВШАЯ ИЗ ТЛЕНА“, „ЗВЕЗДНАЯ ЦИРЦЕЯ“.

Обнаженная натура! Неземные позы! Потусторонние выражения лиц! Маски! Любой грим и накладки! Любая профессионально выполненная ретушь! Экзотика! Сказочные одеяния! Космический антураж! Дерзость и абсолютная раскованность! И Вы сияете в звездной вышине Метагалактики – Земля восхищается Вами и рукоплещет Вам! Земля у Ваших ног и ждет Вашего повеления! Вы – Королева!

СОЗВЕЗДИЕ ВТОРОЕ: „ПОКОРИТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ“. Как он выглядит? Попробуем общими усилиями и по-одиночке создать фотообраз героя-космодесантника, супермена Пространства, межзвездного витязя, несущего свет Земли в самые глухие и мрачные дыры Вселенной, отстаивающего справедливость, доброту. Разумеется, наш герой не может выглядеть слюнтяем-перестройщиком, закопавшимся в грязи, мрази, вони и скудоумии псевдодемократической литературной „чернухи“. Прорабам-демагогам нечего делать в Космосе они и на Земле-то все развалили. Впрочем... никаких запретов, у каждого свой взгляд на мир, ведь и Покоритель может быть разным: коварным и открытым, честным и подлым – Вам карты в руки! Главное, сила! динамика! энергия! взрывная мощь! интеллект! одухотворенность! А для недоброго Покорителя мы выделим девиз „ЗВЕЗДНЫЙ КОНКИСТАДОР“. Смелее, супермены!

СОЗВЕЗДИЕ ТРЕТЬЕ: „ИЗВЕРГИ ВСЕЛЕННОЙ“. Межпланетный пиратский сброд, звездные „джентельмены удачи“, галактические рецидивисты, „медвежатники“, головорезы, мошенники и профессиональные бунтари, злодеи и авантюристы Космоса – кто они? Что нас ожидает в будущем, если уже сегодня коррумпированные преступники практически заправляют миром? Объединенная вселенская мафия землян и инопланетян?! В этом разделе мы нос к носу столкнемся с преступным миром Метагалактики – и каждый его увидит по-своему. Взрыв фантазии! Читатель ждет от Вас неординарных решений и самых необычных подходов к теме. Нынешние воротилы и главари преступного бизнеса лишь жалкие и тщедушные птенцы в сравнении с „Извергами Вселенной“!

СОЗВЕЗДИЕ ЧЕТВЕРТОЕ: „Порождения Мрака“, „Властелины Черных Дыр“, „Слуги Дьявола“. Фотоконкурс на лучший образ инопланетянина-негуманоида. В Космосе нас поджидают злые, уродливые, отвратительные, хищные и воинственные человекообразные монстры. Они не знают пощады! Они свирепы и кровавады, гадки и чудовищны! Они готовят вторжение на Землю! Они садистски расправляются с одиночками и беззащитными путниками во Вселенной. Это само олицетворение Сил Зла, наводящего Черное Пространство и неведомое Антипространство. Для создания подобного образа будет явно недостаточно природных черт фотомодели, даже победитель всемирных конкурсов среди уродливых людей не сможет внешне приблизиться к самому добродушному из негуманоидов. Здесь придется поработать, пофантазировать. Любой грим, любые накладки, парики, искусственная ретушь, смешение фото и изостилей. А главное, образность типажа, талант перевоплощения – и приз „НЕГУМАНОИД“ Ваш!

СОЗВЕЗДИЕ ПЯТОЕ: этот конкурс проводится под общим и емким девизом „Обитатели Преисподней“. В нем могут попробовать свои силы и мужчины и женщины, и дети, и старики – все! Химеричное население inferнальных миров невообразимо и неисчислимо, многообразно и неописуемо. Вот где простор для фантазии! Не будем давать наводящих девизов – участники конкурса придумают их сами. Напомним лишь, что это Созвездие является тем самым коллапсаром, той самой Черной Дырой, через которую Зло непрерывным потоком перетекает в наш мир прямо из ГАЛАКТИКИ УЖАСА. Здесь и от фотомодели, и от фотомастера, и тем более от зрителя потребуются изрядная доля мужества и хладнокровия... но... МЕТАГАЛАКТИКА не для слабонервных! Прорыв в грядущее из нашего смутного и ненадежного времени смогут совершить лишь сильные духом, подготовленные люди. А само Грядущее затмит ярчайшие вспышки изощреннейшей фантазии!

СОЗВЕЗДИЕ ШЕСТОЕ: „СУПЕРЧУДОВИЩЕ“. Здесь на помощь фотомастерам непременно должны прийти художники, ибо нелегко найти на Земле фотомодель исполинского гадрианского звероящера или прыгающего гиргейского кальмародркона, не прибежит на фотоплощадку под объектив камеры сельмианский восемнадцатинигой паукомонстр-ург, разгрызающий скафандры землян будто орехи, не станет позировать даже наш полумозглый собрат-людоед с Гадры, именуемый классификаторами-учеными „хомо примитивус звероноидус ординарос“. Миллиарды жалкая личинка комара может превратиться в архозавра гигантского перепончатокрылого, обитающего в джунглях растений-хищников на шестнадцатой планете Проксимы Центавра, надо лишь пробить мысленным концентрированным лучом пространство, отделяющее нас от этой планеты – и мы увидим все как на ладони! По данному разделу призы будут вручаться фотомастерам. Фотомодели еще явно не готовы для приема таковых... Впрочем, не будем загадывать: если монстр окажется разумным – и он получит приз!

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИЗОГАЛАКТИКА

Живописцы! Графики! Творцы! За кисти и перья!
Все девизы всех разделов – Ваши! Да осенит Вас своими крылами муза-фантазия! Главный критерий – сказочность, фантастичность, смелость, переходящая в бесстрашие – но все это в сочетании с безусловным профессионализмом. Художнику, воспаряющему в любые мыслимые и немыслимые пределы всех существующих и несуществующих миров, не надо объяснять деталей, ибо он сам в своем художническом вдохновении приобщается к Высшему Вселенскому Разуму, а душа его сливается с Неизъяснимым и Вечносущим Духом, и потому становится всевидящей. Так передайте же малую толику этого видения непосвященным – и они поднимутся над землей, увидят сокрытое за горизонтом обыденного бытия!

Примечание. В рамках конкурсов ФОТОГАЛАКТИКА и ИЗОГАЛАКТИКА проводится также конкурс под девизом „Миры Юрия Петухова”.

Лучшие иллюстрации к романам и повестям писателя будут оценены по достоинству. Разные художники брались за нелегкое дело, каждый видел героев и персонажей по-своему, будь то четырехглазый и клешнерукий Пак Хитрец или невообразимо страшное, но необычайно доброе Чудовище, бездушный гинг с планеты Гардиза или колдун-телепат Хум, упырь-хамелеон или Верховный Демократор Хархана-А, тысячелая Хранитель межпространственного квазиаруса или вполне земной герой „Сна”, одержимый бесами, восьмипалые негуманоиды Системы или покрытые хитином свирепые болотные шакалы, уничтожающие все на своем пути и в которых наивные земляне не смогли различить разумных обитателей заброшенной планеты... Миры писателя безграничны – это Вселенная во Вселенной. Попробуем же приоткрыть дверцу в эти запретные доселе для читателя миры и увидеть их сказочных, но вполне живых обитателей!

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

ГАЛАКТИКА КОНТАКТА

В наше время уже невозможно скрывать того факта, что тысячи людей в том или ином состоянии побывали на космических кораблях пришельцев, присутствующих на Земле с непонятными, невыясненными пока целями. Охранительные органы ведущих стран мира надежно берегут секретную информацию о контактах и одновременно распространяют дезинформацию – да столь обильную, что подлинные следы теряются в многообразии следов искусственных, придуманных.

Редакции журнала „Приключения, фантастика” и газет „Голос Вселенной” и „ПФ-измерение”, проконсультировавшись с опытными вещунями и прорицателями, решили провести широкомасштабный сбор-конкурс любых материалов, свидетельствующих о контактах с инопланетянами. Масштабность операции не пугает конкурсную комиссию, так как основная масса, состоящая из правительственно-охранной дезинформации, будет отсеиваться (комиссия не ставит целью разоблачения придуманных данных и дискредитации правительств и охранительных организаций мира). До читателя будут доводиться только достоверные, прошедшие экстрасенсорную экспертизу

сведения. Но присылать на конкурс можно все без ограничений.

Основные девизы конкурса: „ИНТЕРВЬЮ С ПРИШЕЛЬЦЕМ”, „В ЛОГОВЕ ГУМАНОИДОВ”, „ТРОПА В ЧУЖДЫЙ МИР”, „ПО СЛЕДАМ ЗВЕЗДНЫХ СКИТАЛЬЦЕВ”. Рассматриваются статьи, очерки, воспоминания, письма, зарисовки, фото, кино, видео и прочие документы и свидетельства пребывания на Земле инопланетян и выходцев из потусторонних миров. Спешите! Нельзя терять ни минуты – пришельцы все активнее внедряются в наш мир! И мы не знаем еще – с какими целями!

О создании неправительственной Комиссии по контактам, ее целях, полномочиях и задачах будет сообщено дополнительно в одном из номеров газеты. Ввиду своеобразности выполняемых функций деятельность Комиссии по контактам не подлежит огласке на первых этапах ее существования.

Лучшие отобранные материалы этого раздела будут в зависимости от секретности сведений или опубликованы в журнале, газетах и приложениях или же сохранены в фондах Комиссии по контактам до момента рассекретивания. В любом случае они не пропадут и будут по достоинству оценены. Ждем Ваших писем, друзья!

МЕТАГАЛАКТИКА — это прорыв в третье тысячелетие и шанс на успех!

ПРИЗЫ И ПРЕМИИ МЕТАГАЛАКТИКИ ЖДУТ ВАС!

Победители – фото и киномастера, наиболее выразительные фотомодели, лауреаты конкурса будут привлечены для участия в супершоу „МЕТАГАЛАКТИКА” и составят золотой фонд киновидеофирмы, специализирующейся на производстве остросюжетных фантастико-приключенческих кино и видеолент и экранизации „романов ужасов”.

Отобранные произведения будут опубликованы в журнале „Приключения, фантастика”, газетах „Голос Вселенной” и „ПФ-измерение”, альманахах „Галактика” и „Метагалактика”, серийных приложениях. Авторам романов, повестей и рассказов гарантируется помимо призов и премий гонорар за публикации в размерах не менее одной тысячи рублей за печатный лист.

Фото и изороботы будут оплачиваться по высшим ставкам и публиковаться в перечисленных изданиях, а также в красочных фотоприложениях, на настенных и карманных календарях, других видах изопродукции. Наиболее интересные работы будут выставлены на всесоюзных и международных выставках-продажах, аукционах или по желанию авторов возвращены им.

Отечественным фотомоделям объединенная редакция в качестве льготного условия оплачивает проезд в Москву для участия в супершоу „МЕТАГАЛАКТИКА” и других конкурсах, как внутренних, так и международных. Для этого не обязательно быть обладательницей призов и премий. Приглашения будут разосланы всем отмеченным жюри фотомоделям. Предварительный отбор проводится по трем фотографиям: обнаженная натура в полный рост, натура в космическом антураже и гриме, анфас – в гриме и без грима на одной плоскости. Проезд без предварительного приглашения комиссией не оплачивается.

Спешите участвовать в конкурсе – это Ваш шанс!

Конкурсные работы следует направлять бандеролями, ценными и заказными письмами в адрес редакции: 111123, Москва, а/я 40, журнал „Приключения, фантастика”, конкурс „Метагалактика”. Справки, заявки, предложения принимаются только в письменном виде. Объединенная редакция готова сотрудничать со всеми заинтересованными сторонами, как в Союзе, так и за рубежом. Объединенная редакция объявляет о своем абсолютном и монопольном праве на проведение широкомасштабного суперконкурса под девизом:

МЕТАГАЛАКТИКА

ВСЕМИРНЫЙ КОНКУРС ГЕНИЕВ ФАНТАЗИИ

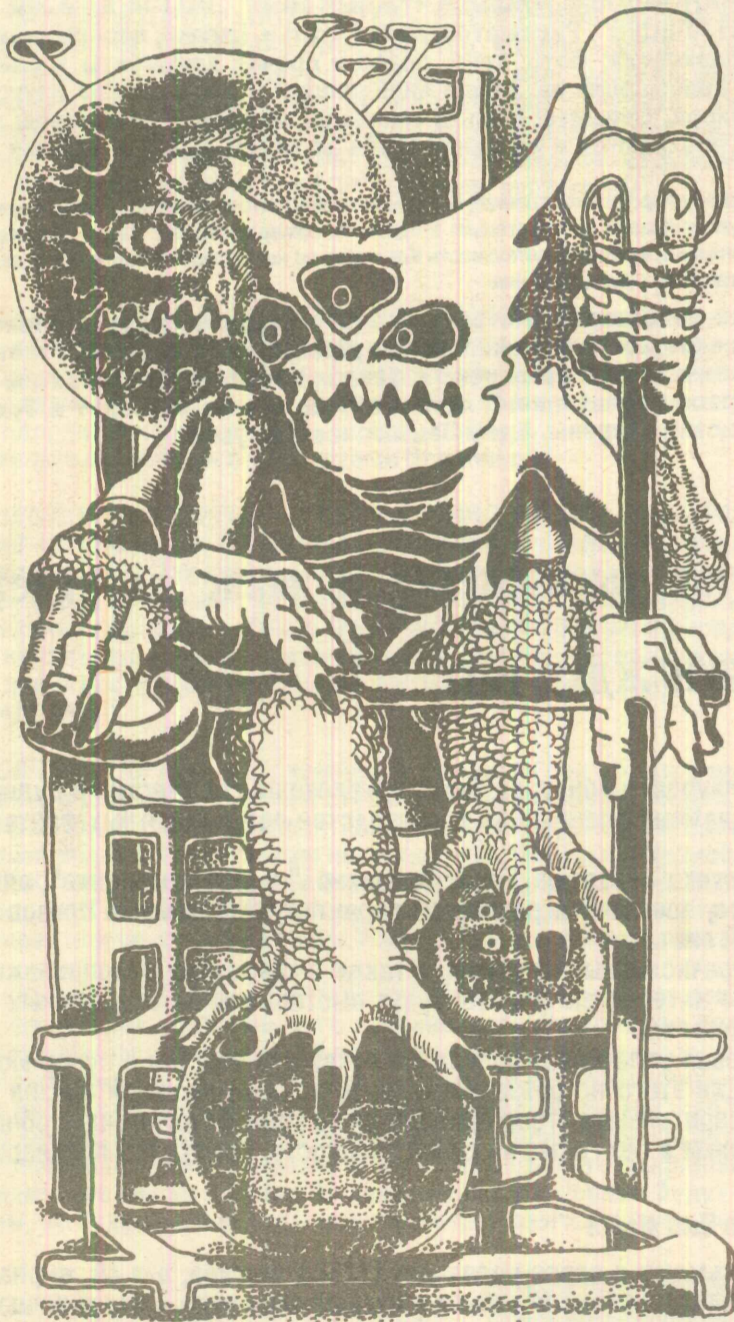
МЕТАГАЛАКТИКА-

ЭТО СОЗВЕЗДИЕ ТАЛАНТОВ И ФЕЙЕРВЕРК ЗВЕЗД!

МЕТАГАЛАКТИКА

ЭТО ВАШЕ БУДУЩЕЕ!

КОНКУРС ОБЪЯВЛЕН В 140 СТРАНАХ МИРА

ИЛЛЮСТРАЦИИ К РОМАНУ «ЗВЕЗДНАЯ МЕСТЬ»

художник А. Чувасов

Адрес редакции: 111123, Москва, а/я 40
Гл. редактор Ю. Д. Петухов
ПП «Чертановская типография» МГПО Мосгорпечать
Москва, 113545, Варшавское шоссе, д. 129а. Заказ № 299
Перепечатка запрещается

ОЛОС
ВСЕЛЕННОЙ 1991

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии издательства «Правда»
Тираж 500 000 экз.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА